

ЛЕВИ

Владимир

доверительные ✈ разговоры

ДОКТОР МОЗГ

записки
бредпринимателя

Владимир Леви

**Доктор Мозг. Записки
бредпринимателя. Избранные
рецепты осмысленной жизни.**

2014

УДК 159.923
ББК 88.37

Леви В. Л.

Доктор Мозг. Записки бредпринимателя. Избранные рецепты осмысленной жизни. / В. Л. Леви — 2014

Владимира Леви знают и читают на всех континентах земного шара. Врач-психотерапевт, исследователь человеческих миров, писатель-спасатель, помогающий жить делом и словом. «Доктор Мозг. Записки бредпринимателя. Избранные рецепты осмысленной жизни» – новое повествование о природе человека, о таинствах тела и души. О том, как мы чувствуем и мыслим. О разуме больном и здоровом. О судьбах и характерах тех, кто исследует и лечит психику, об их собственной психологии. О том, как справиться с неизбежным, как сделать невозможное возможным и сверх того. Как и другие книги Леви, это и увлекательное художественное произведение, и пособие для понимания людей, практикум самопомощи и саморазвития. Книга на жизнь.

УДК 159.923
ББК 88.37

Содержание

Религия ученичества	7
Определение бреда	9
Грезы о кнопках, или Закон сохранения козла	13
Четвертое обещание	16
Историко-научный портрет в позитиве	18
Обязаны ли психологи быть счастливыми?	20
Когда садятся батарейки страсти	22
Вышел на бой Джон Мухобой	26
Второгодник по психологии	28
У подножия великого Почему	30
Берегите дебилов	32
Лав стори, и не одна	35
Безрукие яйцеголовые	37
Кусочек бессмертия	39
Собакоиды и кошкоиды	41
Конвертация подсознания	45
Лав стори: тупик с поворотом	47
Лав стори: прелестная Розали и малыш Альберт	50
Лав стори: побочный эффект плохой конспирации	54
Лав стори: прямой эффект плохой конспирации	55
Лав стори: операция «Обыск»	56
Лав стори: скандал с оттенком печали	58
Sic transit gloria mundi[1]	60
Из князи да в грязи: пыльная работенка	62
Пыльная работенка: непыльные результаты	63
Будущее за профанацией?	67
Два Почему, маленькое и побольше	69
Несовершенная бихевиористка	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Владимир Леви

Доктор Мозг. Записки бредпринимателя. Избранные рецепты осмысленной жизни

© В.Л.Леви, текст, иллюстрации, 2014

© «Книжный Клуб 36.6», 2014

* * *

*Родителям и Учителям нашей жизни, взрастившим в нас робкие
ростки доверчивого восхищения и недоверчивой мысли. Вы дали нам
силу, тепло и свет, мы несем эстафету.*

Не счесть, сколько раз я видел его. Он лежал передо мной в студенческой анатомичке и на вскрытиях в патоанатомическом зале. Живой, обнаженный, во всей красе являлся на нейрохирургических операциях. Работающий, в своих телесных одежках, просматривался насквозь через приборы в лабораториях.

Теперь иногда смотришь на человека или читаешь написанный им текст, и объемно, живо, зрительно-двигательно, как в кино, представляешь, как выглядит и работает его мозг, что там в извилинах и узлах происходит. Непроизвольная визуализация. А вот свой мозг так не представишь.

Живой мозг несравненно сложнее и протяженнее, чем знакомые каждому два полушария с извилинами и бороздами – вроде как у этого господина (сочтем его условным портретом Доктора Мозга). Мозговое вещество, наполненное движущимся биоэлектричеством, заполняет и голову, и позвоночник, пронизывает нервами тело, все органы, до мельчайшего сосудика и волоска.

Есть и давние подозрения, что мозг некими волнами или полями (все не те слова) продолжает себя вовне, принимает и посылает информацию далеко за свои пределы. Орган связи с Бесконечностью.

Вечный мой Собеседник,
назвал бы Тебя,
если бы знал,
как называешь себя Ты сам.

Смотришь в меня
и просишь учиться.
Просишь ошибки свои находить
и учиться любить без надежд на взаимность.

Так любишь ты сам. Так любишь
хищных зверей, змей ядовитых и всякую тварь.
Так любишь людей,
глупых и злых, жестоких и подлых.
Не ты их наказываешь,
сами они находят себе наказания.

Просишь только учиться
и сам исправляешь ошибки свои,
снова и снова.

Без надежд на взаимность заботишься обо мне.
Знаешь, как научилась душа моя ненавидеть,
как бесконечна память обид, унижений, страхов.
Любил ли я хоть одно существо
без надежд на взаимность?
Простил ли Тебя за то, что умру?

Молчишь.
Взглядом просишь:
ищи, в чем ошибка.

Религия ученичества из собрания «Профилактика смерти»

*Есть некий час – как сброшенная клажя:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.
О этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздымающий из своеволя дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей...
Час ученичества!..*

Марина Цветаева

Если бы человек знал, как жить, он бы не умирал.
Р.П. Уоррен

Думаете, старость начинается с первых морщин или седых волос? С усталости, слабости? Со стариковских болезней?

Нет. Раньше. Гораздо раньше. Старость начинается с неиспользования мозга. С неохоты учиться. С первого сопротивления обучению.

Да, старость у многих начинается еще с детства. А может и никогда не начаться.

Встречался в недалеком прошлом в отечестве нашем один странноватый человеческий подвид, ныне уже почти вымерший по причине неделовитости. Вечный студент. Некоторые представители этого типажа умудрялись заканчивать по три вуза, и все им было мало, поступали еще и еще куда-то. Но большинство ни одного учебного заведения не заканчивало. Типичный вечный студент – бродяга-недотяга: поступает, не доучивается, бросает, поступает снова, переходит из одного вуза в другой, какие-то экзамены сдает, какие-то заваливает, берет академотпуска...

Некоторых из таких я знал; чувствуя и в себе подобную склонность, усиленно приглядывался, стараясь понять суть такого человеческого состояния. Вечные студенты, как выяснилось, – народность неоднородная. У одних ведущей внутренней составляющей оказывается душевно-личностная неустойчивость – разбросанность побуждений, чрезмерные колебания настроений с чередованиями подъемов и спадов. У других – фортунфобия, судьбобоязнь: страх перед определенностью жизненного выбора и ограничением пространства свободы, той же природы, что у вечных женихов и вечных невест: любят начинать, но не... У третьих, при родителях обеспеченных и опекающих – затянувшаяся безответственность: учиться не учась, гулять в свое удовольствие, на все забивать – чем не жизнь? Некоторые из таких ребятишек попозже могут проявить хватку хищника. У немногих – напряженные поисковые метания: неудовлетворенность обыденностью, жажда жизни осмысленной и работы по призванию, которое еще поди угадай. У очень немногих – ненасытная тяга к учебе как таковой – мания ученичества, религия ученичества.

Себя тоже могу, пожалуй, причислить к вечностуденческой породе – не столько по биографии, сколько по самочувствию. Всю жизнь живу в сознании незнания, в разумении неумения. С каждым пациентом, с каждым ребенком, с каждым человеком только начинаю что-то понимать и чуть-чуть уметь. Ученик, сдающий одну контрольную за другой, и так без конца.

Эти записки тоже можно считать работой ученической, студенческой: сдачей экзамена, многопредметного.

Кому сдается экзамен? А вот ему, Доктору Мозгу.

Что он такое, кто он? – главный экзаменационный вопрос.

D-r Mozg: Recipe № 1

Отрастить орган учебы

Скорее всего, с малолетства взрослые потрудились привить тебе отвращение к учебе, страх перед учебой, тоску от учебы. Поздравляю, мне тоже. Поэтому мы с тобой такие умные. Ладно, давай дальше жить, просто жить. Давай учиться у жизни. У всех. У всего. У себя самих. Взрастим в себе Независимое Ученичество.

Если Ученичество станет нашей главной установкой, главным жизненным состоянием, душевным и телесным – будем здоровы, счастливы и долговечны, насколько хватит мозгов.

Отрастим орган учебы!

Определение бреда

*Над тем, кто в стане искателей истины
попытается изображать начальство,
посмеются боги.*

Альберт Эйнштейн

Диктофон включен, запись идет.

ВЛ – Терпеть не могу монологов, ни чужих, ни своих. Признаю только диалоги, триалоги...

ОК – Тетралогии, пенталогии...

– Ладно, все, пишем... Я должен представить вас. Мою собеседницу Ольгу Катенкову читатели уже знают. Психолог, журналист...

ОК – Журналист, закончивший университетский факультет психологии, так точнее.

– Путешественница по человеческим мирам.

– **И по вашим книгам. В качестве читательницы и в должности интервьюера.**

– А также соавтора, вдохновителя...

– **Как читательница, прошу объяснить, что мы с вами тут, на этих страницах, собираемся делать.**

– Как обычно – беседовать. Записанные беседы редактировать, дополнять. Вместе думать.

– **Что подразумевается под «записками...»? Рассказы из практики? Истории, судьбы? Дневники? Воспоминания? Плоды «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»? Мудрость веков? Научные истины в популярной форме? Советы, рецепты?..**

– Все, что вы перечислили, и еще многое, объединенное темой Человек. Скажу наперед: одной книги для этих записок не хватит, обложка не резиновая. Сюда вместились психографии – что это такое, скоро поясню, – пяти великих мозговедов двадцатого века, работавших в Америке, плюс часть из того, о чем вы сказали.

– **Почему речь о тех, кто работал в Америке? А в Европе? А у нас в России?**

– Так исторически вышло: решающий прорыв в современной нейронауке – открытие и изучение рая и ада в мозгу – рывок, первостепенно важный для медицины, психиатрии, практической психологии, для социальных наук, для всего человекознания – территориально произошел в Северной Америке. Усилиями не только американских ученых – еще и приезжих из разных стран, но именно там, в Новом Свете, в США и Канаде. По простой основной причине: в этой части планеты для науки были и остаются пока лучшие, хотя и далеко не идеальные условия – финансовые, технологические, моральные. В двадцатом веке на этом континенте не было революций и серьезных войн. Фундаментальная наука – барышня тихая, робкая, потрясений не любит.

– **А любит покой, свободу и денежки?**

– Разумеется. В следующих книгах расскажу обязательно и про нашу старосветскую барышню, не такую избалованную. Европейским и особенно российским исследователям и врачам в век, по которому протопали башмаки Гитлера и сапоги Сталина, жилось страшно, работалось тяжело, нашим и сейчас небо с овчинку – и все же... И все же мы тоже. И раньше, и глубже.

– **Продолжение следует?**

– Уже наготове.

– **Вопрос от воображаемого читателя: как бы вы определили в нескольких словах то, чем сами занимаетесь? Все это многообразие, являемое в ваших книгах, статьях, на интернет-сайте, в электронных рассылках, на выступлениях, в стихах, в шутках, в рисунках, в музыке...**

– Жизневедение. Человековедение. Мозговедение, сиречь нейронаука. Душеведение, оно же психология. Все с прилагательным: практическое. Врачевание. Просвещение.

– **Мозговедом, помнится, в шутку назвал себя один психиатр, ставший сатириком. Вы тоже много лет проработали психиатром.**

– Когда требуется, работаю и сейчас.

– **И подзаголовок вашей первой книги «Охота за мыслью» – «заметки психиатра». А здесь – записки БРЕДпринимателя. Продолжение заметок психиатра?**

– Преемственность есть, что-то из прежнего может вспомниться, но книга целиком новая. Да, записки, заметки в журнале жизни. «Бредприниматель» – каламбур, но если все-речь, то это шире, чем психиатр. Любая работа с людьми, с их сознанием, любое общение – бредпринимательство, принятие бредов, в большей степени или меньшей.

– **Такое расширение понятия «бред»?.. В интернете, политике, СМИ, книгах, жизни – несут люди бред, каждый свой, и вы эти бреды принимаете?**

– С важным добавлением: включая и мои собственные, личные бреды. (См. «Историю одной макулатуры», с. 350)

– **Сдается мне, что долгая работа в психиатрии наложила на ваше мировосприятие некоторый отпечаток.**

– Не спорю.

Первая заповедь психиатра: уважай бред ближнего как свой собственный, – завтра он может стать и твоим.

– **А с чем еще работаете, кроме бредов? Нормальные человеческие переживания, обоснованные суждения, здравый смысл – такое в природе случается?**

– Сколько угодно. Только с учетом – ДЛЯ: кого и когда. С поправкой на относительность, на координаты времени и пространства. История человечества, как и повседневная жизнь, свидетельствует, что не бывает утверждения, истинного для всех и всегда. Любое раньше или позднее для кого-то оказывается сомнительным, со временем определяется как заблуждение, а затем и как заблуждение нелепое, вопиющее – бред. «Солнце вращается вокруг земли» – несколько поколений назад это считалось непререкаемой очевидной истиной. Теперь это бред. Но не исключено, что спирально движущийся исторический маятник на новом витке приведет нас к тому, что по-своему правы и те, кто считает, что солнце вращается вокруг земли. Такова судьба большинства наших верований и убеждений.

– **Дважды два четыре – не бред, надеюсь?**

– Пока не бред.

– **Неужели когда-нибудь бредом станет? Не верю, что наступит такое бредовое время.**

– Уже много раз наступало и наступит еще. И сейчас время тоже вполне себе бредовое по отношению ко многим истинам уровня $2 \times 2 = 4$.

– **А истина существует? Или только разные бреды?**

– Объективная истина существует. Только она единственная и существует по-настоящему. Вопрос в том, как к ней пробиваться из субъективности, как вылупливаться из скорлуп наших бредов.

– **Будет ли в этой книге представлена, как и в предыдущих, практическая сторона – врачебно-психологическая помощь, советы читателям?**

– Для расположенных к пониманию помощь уже началась. Тридцать рецептов от Доктора Мозга пунктиром, с добавками, пройдут через всю книгу, и это только начало, в следу-

ющих книгах будут еще. Замечу кстати, что психологическая помощь вернее срабатывает, когда подается не в виде инструкции, не напрямик. Лучше не советовать, как жить, а показывать, и по преимуществу весело. Малышу, еще не умеющему ходить, не надо объяснять, как ходить, просто ходите в его присутствии, и малыш пойдет.

– *Вот уже и совет. А я знаю тех, кому помогают не советы из ваших книг, а ваши рисунки, стихи, юмор и музыка.*

– Драгоценная обратная связь...

Этот мальчик – девятилетний я. Жаль, что я перестал им быть. А может, не перестал?

D-r Mozg: Recipe № 2

Оживляй в себе детство

Помню твои вопросы: как полюбить себя? Возможно ли? Нужно ли? Что это значит? Быть эгоистом? Нарциссом? Самоутверждаться? Холить себя, хвалить, ублажать?

Как-то тупо и нереально это «любить себя», что-то здесь не то, какой-то темный застенок душевного онанирования. Давай отбросим эту попсытину. Поставим задачу проще: быть с собой в мире, дружить с собой – быть внутренне свободным. Вот это реально, как дышать.

Один из способов вернуть в душу мир и свободу: оживлять в себе детство. почаще рассматривай свои детские фотографии разных лет, детские рисунки, если сохранились, поделки, тетрадки – все следы детства. Извлекай детство из памяти. Вспоминай себя, глядя на других детишек...

Не предавайся грусти по невозвратному – просто вживайся наново, восстанавливай связь времен. Это твое. Это ты. Это твоя душа. Это есть и будет. Кладезь развития, чистый живой источник всех радостей, всех возможностей. Приникай.

Грезы о кнопках, или Закон сохранения козла из сундука «Психология психологов»

*Несмотря на лечение, больной выздоровел.
Шутка Льва Толстого, первым автором которой, как выяснилось,
был Джонатан Свифт*

Рецепт верного заработка, проверенный тысячелетиями. Поместите где-либо, хоть на ближайшем заборе, объявление из двух слов: ВЕРНУ МУЖА – и телефон. Это будет стимул, на который последует реакция: поперет клиентура.

Неважно, что мужья, как и жены, возвращаются с тем меньшей вероятностью, чем сильнее их хотят вернуть. Неважно, что это лажа, что никто никого против воли вернуть никому не может, никакой магией или психохитростями – все равно в возвращаемость мужей верили, верят и будут верить, потому что верить хотят. (В возвращаемость жен тоже верят до последнего, но за помощью обращаются реже).

Кого-то можно попробовать убедить, что и фиг с ним, что туда ему и дорога, козлу, и это будет просветляющей правдой. Кому-то дать аккуратно понять, что магический метод возврата мужей рассчитан только на неограниченно терпеливых и состоятельных. Какой-то результат всегда будет: процентах в пятнадцати, несмотря на усилия по возвращению, мужья возвращаются сами (жены – гораздо реже), и это случаи тяжелейшие. Стимул – реакция. Сделай так – будет эдак: вожаемые кнопки существования. Каждые девять из десяти обращений ко мне – просьбы, требования, моления, грезы об этих кнопках.

Если удастся помочь страдающей стороне иначе увидеть себя и другую сторону, переосмыслить и обновить свою жизнь – кнопки кое-какие могут найтись. Но не те, что ищутся. Не на том уровне. И не кнопки.

Мой друг, узнай: недаром одинаков
состав морской воды и детских слез:
содержит кровь разгадку тайных знаков –
ответ на наш не заданный вопрос.
Там было солоно, в родительском растворе,
в утробной мгле, у жизни в животе.
Ты не одна, душа, ты в море горя,
в живой и алчущей вселенской тесноте.
Пока остаток воздуха не продан,
пока не меркнет свет, пока плывем
в тот океан, откуда все мы родом,
повеселимся с вечностью вдвоем.

Психографиями я назвал биографии, в которых главное – не события жизни, а похождения души: биографии психологические. Превратности судьбы, факты, дела важны для психографа не сами по себе, а как дневник пути внутреннего, как отчет души о своем содержании и развитии. Психография и биография соотносятся примерно так же, как ядро клетки и ее протоплазма.

Психографии психологов и психиатров интересны вдвойне, втройне. Что ими движет – какие побуждения, какие страсти и страхи?

Как в профессии проявляются характеры, как на характерах сказывается профессия?

Глаза могут заглянуть в другие глаза, но себя без зеркала (это глаза других, сделанные из своих) видеть не могут. Извлекая соломинки из чужой души, душевед-психолог оставляет в самоневедении бревно в своей. Есть риск кого-нибудь этим бревном зашибить, и всего вероятней, близкого человека.

Душа исследователя отпечатывается в исследовании и его результатах, даже если они объективны как $e = mc^2$ или периодический закон Менделеева. Исследователь душ, хочет того или нет, рассказывая о тех, кого наблюдает, более или менее скрыто рисует собственный автопортрет, внедряет свой мир в других, а там уж как выйдет...

* * *

Этот представительный джентльмен – всемирно известный родоначальник практического направления в психологии.

Высокий, хорошо сложенный мужчина с лицом кинольва, из тех, что и под старость, уже основательно помятые, все еще волнуют чувствительных к мужскому обаянию женщин. Смолodu неотразимый красавец, играть бы ему первых любовников в фильмах и мучить восторгами девочек, а он мучил в основном крыс, жен и детей. Джон Бродус Уотсон, Джон Большой, как его звали в семье. В общем-то, неудачник, но и удачливый реваншист, с очень

большим влиянием, с глубоким следом в истории психологии. Наследил не только и не столько в академической психологии (тут он уже почти музейный экспонат), сколько в психологии реальной, житейской, массовой.

– *То есть, в самой жизни как таковой.*

– Как и его современник Фрейд, американец Уотсон и ныне, покинув сей мир, все еще основательно на него воздействует. Получилось так не только по причине его личной неурядности. Не отличаясь высотой духа, человек этот проявил недюжинность нюха: угадал направление набиравшего силу ветра истории. Ветер этот и в наши дни гонит волны могучего социального мифа, в создание которого Уотсон внес капитальный вклад.

– *Что за миф?*

– НоуХау имя ему – ЗнаюКак.

Четвертое обещание

Век двадцатый. Научно-техническая революция. Опыание прогрессом, гипноз достижений, фантасмагория человеческого всемогущества. Жуткие войны, небывалые зверства. Жестокая конкуренция мирного времени.

Потребительское общество якобы равных возможностей. Торжество хищной подлости, меняющей маски, слепота эгоизмов повсюду в мире. Духовная какофония. Замороженность обывателя. Несчастье огромных человеческих масс. Несчастье живая, не желающая сдаваться, несчастье надеющаяся, ищущая, во что бы еще поверить.

Массы людей хотят стать богаче, здоровее, увереннее, удачливее, счастливее – очень хотят! И у них это не получается.

– Почему? – вопрошают массы (каждый поодиночке).

– Потому что грешны, Бога гневите, – отвечают клирики по старинке. – Кайтесь, молитесь, впредь не грешите, и будет награда вам если не на земле, то на небе.

Так обещала и обещает церковь.

– Потому, что порядка нет, потому, что враги-хищники вам жить не дают. Потому, что вас угнетают, запугивают, обманывают и грабят, – уверяют, тоже по старинке, политики. – А мы наведем порядок, мы уберем врагов, мы проведем реформы, революции или наоборот. Мы освободим вас, мы изменим общество, и все у вас будет.

Так обещала и обещает власть. Так обещают и борцы против нее, к ней стремящиеся.

– Потому, что не там и не то ищите – не то богатство, не ту силу, не то здоровье, не то счастье, – отвечают наставники-гуру разных мастей. – Следуйте за нами, мы покажем вам путь, откроем источник силы и счастья. Так обещали и обещают философия и внецерковные духовные практики.

– Да хватит же, ерунда это все, – раздался еще один голос. – Все проще, доступнее, все под рукой. Вы такие несчастные, люди, лишь потому, что не знаете, как быть счастливыми, не умеете быть какими хотите. Не знаете, как устроены, не умеете с собой обращаться. А мы знаем. Мы вас научим. Дадим вам НоуХау.

Так обещала и обещает наука.

Прикладная психология, психологическая практика, древняя и многоликая, как человечество, в веке двадцатом получила энное рождение как дитя науки и бизнеса, – дитя незаконнорожденное, от родителей, отметим это особо, с противоположным отношением к истине. Внучатое произведение бабушки-религии и дедушки-политики.

– *Что-то у вас и бабушка, и дедушка получились женского рода.*

– Хорошо, пускай дедушка и бабушка вместе называются социальным гипнозом.

Так вот, прикладная психология, психологическая практика, психопрактика или психипрактика – основывается на убеждении, что человек может сделать из человека все, что угодно. И из другого человека, и из себя самого. Только знать НоуХау и правильно применить.

Главная движущая сила психипрактики, рождающая постоянно растущий спрос на нее – потребность в предсказуемости, контроле и управляемости повседневной жизни, и всего прежде и более – поведения человека, его чувств, желаний и мыслей. Потребность, растущая в обществе одновременно и в прямой связи с ростом его потребительства.

В первой половине двадцатого века психипрактика на Западе сорвалась с академической цепи и устремилась на рынок. В Соединенных Штатах пустилась во все тяжкие: стала национальной манией и выгодным бизнесом.

– *Один лишь Карнеги чего стоит.*

– Знаменитый бестселлер Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» вышел первым изданием в год моего рождения. Почву для его успеха вспахал Джон Уотсон. В начале прошлого века своим пером и авторитетом он повернул мозги массы профанов в сторону психопрактики – до сих пор эта лавина все еще движется.

Историко-научный портрет в позитиве

*De mortuis aut bene, aut nihil.
Об ушедших – хорошее или ничего.
Из забытых правил хорошего тона*

Крупная личность, человек большого дерзания, с мощной волей и неистощимой энергией. Его вклад в психологию – масштабный и прорывной, он сломал барьеры.

Вдохновленный русскими предтечами: Сеченовым, Павловым, Бехтеревым, сначала бился за то, чтобы психология стала экспериментальной наукой, как все естественные науки. И хотя сам открытий сделал не много, совершить поворот ему удалось: новые поколения исследователей пошли тропой, проторенной им, и превратили ее в магистраль. Провозглашенное им исследовательское направление – бихевиоризм, наука о поведении – навело мосты между поведением животных и человека, между телом и психикой. С его подачи (не только, но в большой мере его) психология вышла из облаков смутных умствований и спустилась к реальности, заземлилась.

А он пошел дальше: с наукой вынужденно расставшись, сумел показать, что психология – нечто большее, чем наука. Доказал собственным примером, что она – искусство и сила в мире людей, оружие, владение которым может обеспечить успех в жизни. Стал глашатаем и мастером психологии практической, прикладной. Оказался первопроходцем на ниве психологического обеспечения рекламы, раскрутил несколько мировых брендов. Проявил себя и как талантливый популярный автор с незаурядным даром убеждения. Его книга «Психологическая забота о детях» стала воспитательской библией для целого поколения. Остается

и ныне читаемой и почитаемой, хотя вызвала массу критики (в том числе со стороны самого автора, признавшего в конце жизни, что он не подозревал, как мало знает о детях).

D-r Mozg: Recipe № 3.

Восклицательные знаки из аптечки ВСЕСИЛ

! – Любопытствуй безостановочно, всегда, обо всем и всех, любопытствуй настойчиво и деликатно. Сопоставляя и связывая события и явления размышлением, различая и замечая подобия, возвышай детское любопытство во взрослую любознательность.

!! – Любознательность научит тебя ни от чего не шарахаться и все изучать, хотя и не все трогать и пробовать.

!!! – Твоя свобода всегда с тобой, даже когда ты этого не хочешь – напоминай себе об этом как можно чаще: «свобода со мной, я в свободе, я емь свобода!»

!!!! – Будь ты по возрастной категории ребенком, подростком, юношей или стариком; будь молодой девушкой или зрелой дамой, девочкой или бабушкой – стряхни гипноз хронологии, забудь о цифрах и выбрось возраст в мусорную корзину. Сколько бы лет тебе ни было, не считай себя ни ребенком, ни молодым созданием, ни взрослым, ни пожилым человеком. Изнутри, глубиной души, истинно – ты всегда все вместе взятое: существо безвозрастное и всевозрастное, только в разной проявленности своих возможностей, – существо ВСЕВРЕМЕННОЕ, ПОЛНОВРЕМЕННОЕ.

Да пребудет с тобой непрестанно памятование этого, ощущение этого – жизнь во всех возрастах и без возрастов, жизнь всевременная, полновременная – просто ЖИЗНЬ!

!!!!!! – Неукротимо верь, что все можешь, а что не можешь, то сможешь, – и сможешь больше, чем ожидалось, и еще больше.

Обязаны ли психологи быть счастливыми?

Только с горем я чувствую солидарность.
Иосиф Бродский

Доверились бы вы рекомендациям психолога, одна из жен которого развелась с ним из-за его измены, а вторая постоянно чувствовала себя виноватой и рано умерла? Психолога, изрядно пьющего, один сын которого покончил с собой, другой вырос бездельником и преждевременно умер, дочь стала алкоголичкой и совершила несколько суицидальных попыток, зять застрелился, внучка тоже в глубокой депрессии едва с собой не покончила... Доверились бы?

– Не знаю. На одного психолога отягощений, что и говорить, многовато. Но ведь еще вопрос, он ли единственная причина такого нагромождения несчастливых судеб вокруг себя... И не вы ли писали, что требовать от психолога быть счастливым – все равно что требовать от врача бессмертия?

– Я, и пока еще согласен с собой.

Каждый человек в Америке, начиная с тридцатых годов 20 века, оказался под влиянием Уотсона, либо под влиянием тех, кто оказался под его влиянием. И далеко не только в Америке. У нас и сейчас в продаже перевод его книги «Психологическая забота о детях» («The Psychological Care of the Infant and Child»).

По нашему радио уже в новом тысячелетии передавали отрывки из этой книги: уроки для родителей – воспитание по доктору Уотсону. Хотя доктором, в смысле врачом, он никогда не был, скорее, чем-то обратным.

– Слышала эти передачи. Настойчивый авторитарный голос чтеца. Сон, питание, прогулки, посещение туалета – строго по расписанию... Не играть и не разговаривать с ребенком с утра до тех пор, пока не сделает пи-пи и по-большому. Не брать на руки и не менять пеленки во время плача, чтобы впредь неповадно было слезами и криком добиваться своего. Не сажать на колени во избежание... Не тискать, не обнимать...

– Эта книга вышла в 1928 году, сразу сделалась хитом и до сих пор, в бесчисленных переизданиях, энергично расходуется. Уотсон стал «Споком» своего поколения, верней – антиспоком. Либеральный гуманист доктор Спок, настоящий доктор, педиатр, дал следующему поколению родителей рекомендации, во многом противоположные; но ему вменили насаждение вседозволенности, и маятник воспитательской идеологии снова пошел в сторону Джона Большого.

Не всякий маленький вырастает большим, но всякий большой бывает сначала маленьким. Глупости подчиняются той же закономерности.

D-r Mozg: Recipe № 4.

Как делать невозможное возможным: одолевать инерцию и жить двусторонне.

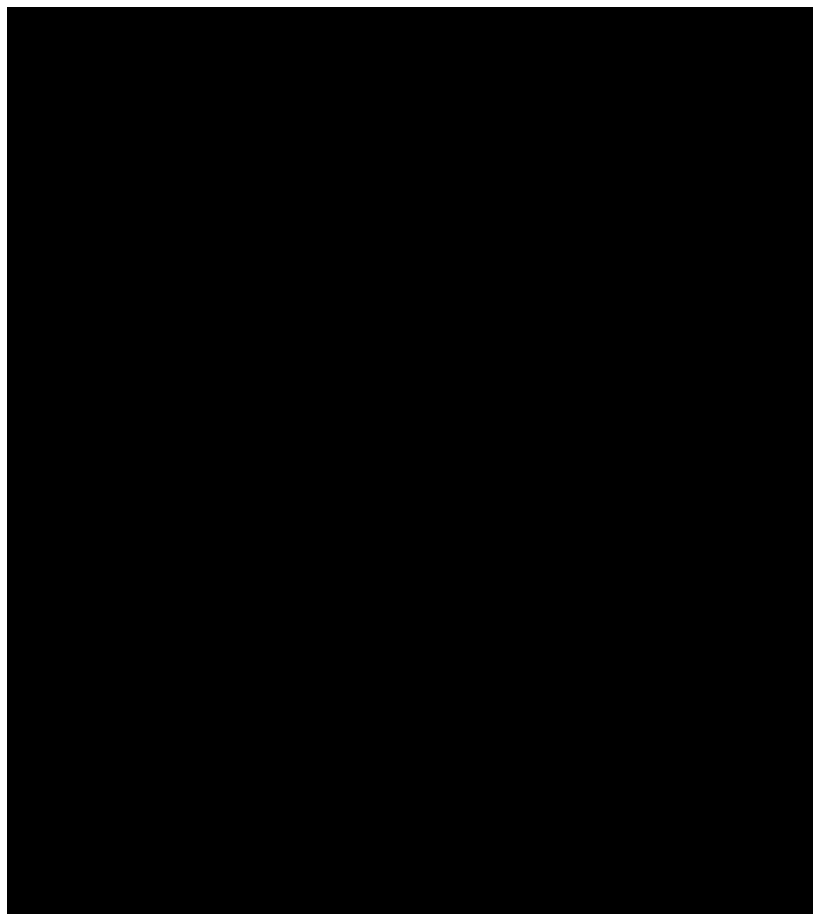
Из прописей Франциска Ассизского: *«Начинай потихоньку делать необходимое, и получится делать то, что возможно, а потом вдруг поймешь себя на том, что делаешь и невозможное.*

Марк Аврелий, великий римский император, о том же:

«Приучай себя к тому, что тебе кажется невыполнимым. Ведь левая рука, более слабая, нежели правая, поводья держит сильнее, ибо к этому приучена». Вот как давно замечено, что развивать надо оба мозговых полушария, а не ехать всю жизнь на одном. Если ты правша, делай как можно больше левой рукой, постарайся развить ее до уровня правой; если левша – наоборот. Получишь огромную прибавку силе ума, здоровью тела и духа. Целый мир откроется с неизведанной стороны.

Когда садятся батарейки страсти

По моим наблюдениям, гармоничные супружеские пары бывают двух видов: сходники и контрастники.

Сходники друг на друга похожи, подобны лицами и фигурами, словно брат с сестрой или близнецы разного пола – воистину, две половины одного человека. У юных жениха и невесты такое физиономическое подобие обещает союз нерушимый и долгий, без фейерверков, зато прочный, со счастьем ровным, как озерная гладь, – и обещание выполняется, если дарованное не портят необузданным эгоизмом, пьянкой, изменами... Даже и в этих печальных случаях тяга однородного к однородному может превозмочь все уродства.

Контрастники – существа резко разные, и внешностью, и характерами противоположные иной раз до гротеска. Полусные заряды: со страшной силой друг к дружке магнитятся. Бывают сперва бурно счастливы – с кипением страсти, со взрывами ссор и сладостными примирениями, со взлетами и провалами, снова взлетами... Но скоро ли, долго ли, батарейки страсти садятся, и только духовное возрастание и срастание в росте – многоусильное совместное житнетворчество – может спасти двоих от распада, опустошения и пепелища на месте любви.

Папа и мама Джона подобрались по романтическому контрасту. Пикенс Батлер Уотсон, один из десяти детей богатого плантатора, ладный разбитной парень, чернявый и смазливый, женился на светловолосой, строго-миловидной девушке Эмме Рой, дочери мелкого служащего.

Жили они в штате Южная Каролина, гнезде потомственных рабовладельцев. Отец Пикенса, дед Уотсона, рабовладельцем и был. Время – конец 19 века. Война Севера и Юга недавно закончилась, рабство уже отменено, но расизм еще в полной силе. Ку-клукс-клан, линчевание...

Пикенс Уотсон источал жизнелюбие – лихой наездник и меткий стрелок, повеса, хвастун, мот, задира, взрывной скандалист, выпивоха. На месте не сиделось, любил охоту, приключения и войну. В 16 лет пошел на гражданскую, воевал, разумеется, за южан. После войны всю оставшуюся жизнь, а она оказалась унижительно долгой, заливал горечь поражения крепким питьем. По нашим нынешним представлениям, был ветераном с посттравматическим стресс-синдромом и психопатинкой. Фермой, доставшейся в удел (небольшая часть дедовских владений), управлять толком не мог, да и не хотел, это лучше получалось у Эммы. А у него получалось объезжать лошадей и охотиться. Пытался одно время наладить лесопилню невдалеке от дома, но дело не пошло, нечем было платить работникам.

Эмма была девушкой с твердым характером, умной, серьезной, хозяйственной и чрезвычайно религиозной.

Единственным, но нестерпимым ее недостатком в глазах клана Уотсонов была бедность и низкое происхождение. Молодожены жили изгоями, их не принимала ни родня Пикенса, ни чванливые соседние землевладельцы.

Дети рождались один за другим. Четвертым из шестерых появился на свет будущий всемирно известный психолог.

Дети, ферма и церковь поглощали и поддерживали энергию Эммы. Она была ревностной баптисткой. (Даже на фотографии держит руку на Библии). Джону дала второе имя – Бродус – в честь известного в тех краях протестантского проповедника. Мечтала, что и ее сын тоже когда-нибудь понесет слово Божие людям.

Южнокаролинская баптистская община славилась фанатичной активностью, непримиримым консерватизмом и суровыми моральными требованиями. Не курить, не пить, не ругаться, не танцевать, не хохотать, не обниматься, строго блюсти добрачное целомудрие и супружескую верность, каяться на церковных собраниях в грешных поступках и помыслах, изобличать и себя, и ближних, следить друг за дружкой, сообщать, ежели что не так, церковному начальству, во имя любви к Богу стучать на братьев своих и сестер...

В доме царствовала дьяволобоязнь, нечистого поминали на каждом шагу. Малыш Джонни был непоседой, озорником – гиперактивным ребенком, как это дурачки определяют нынче, – засыпал трудно, рвался гулять во двор. Няня-негритьянка страшила его дьяволом – вон он, прячется в темноте, если выйдешь ночью, схватит, утащит в ад. Мама Эмма тоже то и дело предупреждала, что сатана стережет всегда и повсюду, пользуется любым недосмотром, любой случайной грязцой, а уж как ликует, если ребенок, не дай Бог, обкакается. «Неученая кишка – помощница дьявола», – говорила она.

– *А папа Пикенс дьявола не боялся?*

– Папа развивался в своем направлении: как насчет дьявола, не знаю, а Бога не возлюбил. Виски, бифштексы с кровью и общедоступных женщин возлюбил все сильнее. С Эммой не задалось – все чаще Пикенс покидал ее и детей и подолгу жила в окрестных лесах в обществе местных индейцев чероки с двумя скво – неформальными индейскими женами. Это свободолюбивое племя, имя которого ныне носит могучий джип, против рабства чернокожих не восставало, в гражданской войне помогало южанам, так что для Пикенса они были братьями по оружию.

Дома, наездами, учил сына стрельбе из ружья, пистолета и лука, верховой езде, строительным, плотницким и другим деревенским мужским работам. У мальчишки все получалось: и корову подоить, и подкову поправить лошади, и косу наточить. Но папаша его почти не хвалил, был щедр на ругань и затрещины – старался не показывать пацану, как любит его, а тот отца и любил, и боялся, как Бога и дьявола, вместе взятых.

Когда Джону исполнилось 12, Пикенс совсем бросил семью, уехал. Соседи посмеивались – «окончательно обиндеился».

Через много лет, уже старый, спившийся, опустившийся, он вдруг объявился в Нью-Йорке, чтобы повидать сына, к тому времени знаменитого и далеко не бедного. Джон, на всю жизнь обиженный на никудышного батю, принять его отказался. И глазом не взглянув, послал старику нарочным пару новых костюмов и полдюжины чистых рубашек.

– *Похоже на месть...*

– Не столько месть, сколько самозащита.

На этой старой фотографии видно, что костюм старика Пикенса изрядно помят, но седые усы торчат все еще грозно и лихо, и на лице проступают отдаленные следы былой мужской красоты.

Вышел на бой Джон Мухобой

Оставшись соломенной вдовой, Эмма еще более укрепилась в вере. Сумела поднять всех шестерых детей, дать им образование. Ради этого продала ферму и переехала в Гринвилль, ближайший, бурно растущий промышленный город. Там ее деревенским ребятам вначале пришлось не сладко: нужно было приспособливаться к городской тесноте, духоте и шуму, к избытку соблазнов и скуки, к среде отчужденной, жестко-конкурентной, коварной. И кроме и прежде всего прочего, обязательно ходить в баптистскую церковь.

Подросток Джон быстро наливался шальной силой молодого жеребчика. Был импульсивен, порывист, с волчьим аппетитом. Рано возлюбил бурбонское виски – любимый папин напиток. И женщин возлюбил раньше и откровеннее, нежели дозволялось баптистской церковью. Чертовски был привлекателен – дамы вешались на него всю жизнь. Когда ему было уже за пятьдесят, одна журналистка публично объявила его самым сексапильным в мире мужчиной-психологом.

После исчезновения отца стал замкнутым, злым, учился едва-едва, учителям грубил. В новой гринвилльской школе дети городских лавочников и приказчиков долго не принимали застенчивого деревенского мальчика за своего – издевались, травили, доводили до слез и бешенства, приходилось драться, на переменах случались побоища до крови. Получил обидное прозвище Swats (Суотс).

Не отыскал слова такого ни в одном словаре, нашлось только *swat* – прихлопнуть (комара, муху, моль...). Хлопалка, мухобойка?.. Наверное, что-то вроде, в созвучии с первым слогом фамилии – *wats*...

Всплыли в памяти до боли знакомые школьные эпизоды. Учитель ведет урок, ты сидишь себе, слушаешь или пишешь, не трогаешь никого, а тебя сзади исподтишка какая-то падла щипает, колет, чем-то в тебя тычет или что-то на тебя льет. Естественно, ты эту тварь пытаешься быстро и энергично *swat* – прихлопнуть – стараясь притом не обернуться, не подать вида глядящему на тебя учителю. Но учитель не слеп же. Учитель видит, что ты дерешься. Именно ты, а не кто-то, умело за тобой спрятавшийся. Учитель делает тебе замечание, заставляет встать или, в зависимости от вредности и настроения, вызывает к доске, ставит в угол или выставляет из класса. И ты не смеешь сказать, что это вон та маленькая сволочь срежиссировала эпизод, а не ты, – если скажешь, будешь не только посмешищем, но уже и полным ничтожеством, жалобщиком, да и как докажешь?.. Последует хрестоматийный, ответа не имеющий, квадратуре круга подобный недоуменный вопрос: а чё я сделал?.. а я-то чё?.. не, а чё, чё я сделал-то?..

Такая вот трехходовка, классическая подстава – элемент тренинга выживания в мире козлозакона.

Первый и единственный закон козлозакона – закон сохранения козла, он же и закон сохранения зла: **всякий козел отпущения находит своего козла отпущения**. По дороге из школы в компании с единственным в те годы полупридурочным полудружком Неважно-какзвали юный Уотсон расходовал свою агрессивность способом, в южных штатах в те времена обычным: подлавливал чернокожих мальчиков и избивал. Это было как раз в годы наивысшего расцвета судов Линча. Чернокожие мальчики уже тоже не оставались пассивными. Незаурядно чуткий к общественным настроениям паренек так увлекся *nigger fighting* – борьбой с неграми – и так в ней преуспел, что мог бы заработать аплодисменты испарившегося папашки (что, можно думать, и происходило в воображении). Один раз его за это арестовали, но сразу выпустили. На случай, «если ниггеры будут возникать», таскал с собой заряженный пистолет (купить огнестрельное оружие в Южной Каролине было тогда проще, чем купить

книжку). И однажды устроил уличную стрельбу. По счастью, ни в кого не попал. Арестовали, опять же, и отпустили.

– *Хорошо, что времена судов Линча ушли.*

– Это большое достижение Штатов, но уличную стрельбу и похуже нет-нет да кто-то устраивает.

Мы получили в наследство не только разум миллионов прошедших лет.
Мы унаследовали также и безумие тысячелетий.

Ошо

Второгодник по психологии

Современное образование не дает для жизни ничего, кроме бумажек об образовании и, в лучших случаях, некоторой тренировки мозгов. По большей же части приучает к разгильдяйству, недобросовестности и продолжительной инфантильности.
Дж. Б. Уотсон. (Сказано около ста лет назад).

Сильная и властная Эмма взялась за подрастающую копию Пикенса с удесятеренной энергией. Сумела жеребенка взнуздать, но объездить не удалось.

После школы, с грехом пополам оконченной, мать заставила 16-летнего Джона поступить в баптистский колледж. Заведение сие под религиозной шапкой давало образование, по сегодняшним понятиям, высшее: окончив его со степенью магистра, можно было стать школьным учителем, городским служащим или продолжить учебу в каком-нибудь университете.

Эмма так страстно желала, чтобы именно Джон, самый красивый и самый умный ее сынок, стал пастором, что упования ее оправдались, только неведомо для нее – в другой системе значений, других ценностных координатах...

Стройный юный оболтус начинал уже понимать, что хорош собой. Носил, как тогда полагалось, высокие белые накрахмаленные воротнички плюс галстук-бабочка, тщательно укладывал блестящие черные волосы на срединный пробор.

Рано обзавелся очками, но очкариком никогда не выглядел: очки сидели на нем всегда изящно и ловко, почти незаметно.

Был не особо общителен, но уже не изгойствовал. «Способный, но с чересчур большим сомнением... Больше интересуется идеями и теориями, чем людьми», – говорили про него преподаватели.

Подрабатывал лаборантом в химической лаборатории, потихоньку повесничал и выпивал. Учился как в школе, то есть никак. Перед экзаменами, накачавшись кока-колой (в нее добавляли в те времена серьезную дозу настоящего кокаина), зубрил пару ночей и отправлялся сдавать. Был единственным в своем классе, кто сдал древнегреческий с первого захода. Завалить умудрился только один экзамен – догадываетесь, какой?

– **Богословие?**

– Нет, с богословием пронесло. Психологию. Пришлось из-за этого остаться в колледже на второй год.

– **Второгодник по психологии? Знаковое начало для будущего корифея психологической науки.**

– Уотсон потом вспоминал:

«Психологию вместе с философией преподавал нам Гордон Мур, лысый дядька, малость чудаковатый. Слушать его было местами любопытно, особенно когда он рассказывал о физиологической психологии, это было хоть что-то конкретное, не в пример его же метафизическим разглагольствованиям, от которых вяли уши...»

Сдавать ему экзамены было тяжело: Мур был добр, но ужасный педант, требовал, чтобы все листки письменной контрольной были правильно пронумерованы, а кто этого не сделает, предупреждал, того и читать не стану – сразу неуд и на второй год. Вот меня черт и дернул: не выспался, спешил сдать и не пронумеровал. Хуже того – перепутал, написал все правильно, но не в том порядке. Не помиловал меня Мур, вкатил незачет. Я жутко разозлился. Ах, так, подумал, ты меня завалил, из-за тебя теперь мучиться лишний год. Ну, поглядим еще. Назло тебе стану доктором психологии, ты еще попросишься ко мне в ученики. Так и вышло...»

И в самом деле, годы спустя, когда Джон Б. Уотсон уже профессорствовал на кафедре психологии, к нему в кабинет, шаркая, прихрамывая и опираясь на палку, зашел облезлый пожилой господин. Без приглашения сел, знакомым движением снял очки, положил на стол. Широко улыбнулся беззубым ртом.

– Здравствуй, сынок, ты меня помнишь, конечно. Я твой бывший профессор Гордон Мур. А вот теперь ты профессор. Знаешь, я горжусь, что воспитал такого великого ученика. Это ведь я приохотил тебя к психологии, и хорошо, что ты дважды прошел мой курс, вот видишь, как здорово получилось. А меня, понимаешь ли, из колледжа выперли. Начальству не угодил, недостаточно ортодоксален. Церковь, сам понимаешь, с психологией не в ладах. Ну что ж, старая гвардия не сдастся. Возьми меня к себе в аспирантуру, сынок, вот мое письменное прошение. Бюрократические проволочки меня не пугают. Если потребуется время, я подожду...

Дождался, но вскоре ослеп, а через пару лет свалился с инсультом.

Есть ли в моей жизни смысл, который не будет разрушен неминуемой смертью, ожидающей меня?

Лев Толстой

У подножия великого Почему

*Хочу, чтобы потомкам стало ясно:
надежна жизнь тогда, когда опасна.
Спасение? Смертельная угроза?
Лекарство или яд? – Решает доза.*

Из Парацельса. (Вольный стихотворный перевод мой. – ВЛ)

Колледж Уотсон окончил, магистра получил, пастором, конечно, не стал, и в дальнейшем, к великому огорчению матери, ни при какой погоде не интересовался религией. Дома по этому поводу шли баталии между ним и старшим братом Эдвардом, парнем очень религиозным и правильным.

– Послушный мальчик и непослушный, подъябочник и озорник, конформист и бунтарь, всегдашняя пара? Сид и Том Сойер?

– Да – и в одном лице тоже, в одной и той же душе. Конфликт внутренний, столкновение побуждений: любовь к матери и отталкивание от нее, зависимость и сопротивление зависимости – развилка эта всю жизнь сидела в Уотсоне и выстреливала, как рогатка, вовне, переносилась на отношение к женам и детям, перескочила в концепцию воспитания...

Мы и на своей истории убедились – на Марксе, Ленине и их духовных потомках, себя включая: свежееиспеченные атеисты, наследники длинного ряда веровавших поколений, выказывают полный набор признаков религиозно-догматического менталитета. Авторитарность, категоричность, нетерпимость к инакомыслию, проповеднический запал, мессианские амбиции непременно осчастливить человечество, тянитолкай ханжества и цинизма. Баптистская психоматрица (а ее начала – в веках и веках...) была впитана Уотсоном с молоком матери, вместе с любовью к ней, и плодоносила всю.

– А смятая любовь к отцу, непрошенная обида?

– И это работало.

Еще до того, как отец покинул семью, при ночных разборках между родителями – он засыпал поздно и многое слышал, – в душе Джона образовался глубокий разлом. Бездна одиночества накрывала его, и пытливый ум упрямого мальчишки, сопротивляясь отчаянию, начал искать ответ на всеобъемлющее детское почему в применении к человеческой глупости.

Почему мама подвинута на своем Боге и дьяволе, а папа на своих лошадях и бабах? Почему люди ведут себя то одинаково, то по-разному? Почему они вообще себя как-то ведут, как это получается?

На ферме отец учил его управлять поведением собак, коней, коров, индюшек и прочей живности. А как насчет человечков?..

Сюжет, который уже век повторяющийся в миллионах разбитых семей: уходит отец, а ребенок (или несколько, как у Эммы, это душевно лучше, хотя житейски трудней) остается в судорожных объятиях одинокой материнской любви.

– Хорошо, если хоть какой-то любви...

– Да, в наше время, увы, все чаще после разрыва с мужем мамаше уже и не до ребенка, а лишь до себя и своих новых амурных дел. Ребенок становится эмоциональным сиротой. Но обычнее все же нечто противоположное, хотя и немногим лучшее: мать продолжает любить ребенка, любит удвоенно и утроенно, с зашкаливающим избытком. Любит как мать, а управляться старается как отец и мать вместе взятые. Вцепляется в дитя всеми щупальцами своего ревнивого одиночества и так долго, как только может, удерживает в липких тенетах эмоци-

ональной зависимости и несамостоятельности, не дает взрослеть. Пассивный ребенок сдается удушающему объятию, активный сопротивляется, борется, средний, обычный – и то, и се, но в любом случае неотступное и могущественное материнское давление сказывается на характере и жизненных установках дитяти примерно так же, как давление толщи морской воды на облик глубоководных рыб.

– ***Одни сплющиваются, другие раздуваются...***

– Джон Уотсон, я бы сказал, извилисто забугрился. Эмма любила его больше остальных своих пятерых, ласкала чаще, учила упорнее – он ведь явно был всех способней, всех ярче – на него и надеялась горячее, и давила сильнее.

С Джона на внешнем плане – как с гуся вода, все вопреки и наоборот, но внутренне...

Любовь его к матери была сильной, привязанность – чрезвычайно глубокой, душевная зависимость – напряженной до боли. Как положено парню с мужественным характером, любовь к маме он не озвучивал, привязанность старался не выказать, с зависимостью справлялся с большими издержками. Когда Эмма в разлуке с ним тяжело заболела, он тоже занедужил, открылась бессонница, а когда умерла (ему было около 22-х), на несколько месяцев впал в жестокую депрессию и долгие годы терзался чувством вины.

Большой Джон сумел потом убедить миллионы людей, что телесной и душевной близости между родителями и детьми должно быть как можно меньше. Мать, утверждал он, вносит в любовь к сыну свою сексуальность, так же как и отец – в любовь к дочери. Если родитель целует ребенка, то это уже прямая сексуальная провокация, пробуждение и подогрев влечения, да и всякие прочие прикосновения приводят к тому же. Чрезмерная (а что такое чрезмерная и где мера?) привязанность ребенка к родителям, пугал Уотсон, – источник его последующих проблем в интимной жизни и супружестве.

– ***О том же толкует и психоанализ. А недопривязанность или отрицательная привязанность – взаимное отчуждение детей и родителей – тоже порождает любовные и супружеские проблемы?***

– Еще какие. Уотсон стал если не автором, то соавтором как раз этого рода проблем у многих и многих, начиная с собственного потомства.

Из заглавника Анекдоктора

Автоответчик на телефоне доверия: «Добро пожаловать на нашу горячую линию срочной душевной помощи!

Если вы слишком импульсивны – несколько раз быстро нажмите

1. Если вы чувствуете себя зависимым – попросите кого-нибудь нажать
2. Если у вас множество личностей – нажмите 3, 4, 5 и 6. Если у вас мания преследования – мы знаем кто вы и чего хотите, просто никуда не уходите, а мы пока отследим ваш звонок. Если у вас шизофрения – слушайте внимательно и тихий голосок подскажет вам, какую цифру нажать. Если у вас депрессия – неважно, что вы нажмете... никто все равно не ответит...»

Берегите дебилов

Сто десять лет назад, в 1900 году, моему дедушке, папе мамы, было тринадцать лет, и он уже подрабатывал репетиторством, натаскивал дебиловатых младшеклассников из богатых семей. А двадцатидвухлетний Джон Уотсон в этом же году поступил в Чикагский университет, чтобы продолжить образование на высшем уровне.

Изучал философию – не пошло, одолела скука. Германская умозрительная психология Вундта тоже не зацепила. Заинтересовал только курс по изучению трудов сэра Юма, столь же философа, сколь историка и психолога, – скептика и агностика, доказывавшего, что существование существующего доказать невозможно. Да и не нужно, полагал досточтимый сэр, – достаточно убедиться, полезно оно или нет. Если полезно – пускай себе существует бездоказательно. Взгляды Юма помогли нашему герою настроиться на утилитарно-практический лад. Особенно понравилась идея, что человек есть пучок впечатлений. Такой вот пучок, существование которого доказать невозможно. Кстати сказать, в эти годы еще не существовала паспортная система – всемирно признанная методика доказательства существования данного конкретного пучка впечатлений. Хотя паспорт был изобретен еще в ветхозаветные времена, подавляющее большинство граждан доказывали друг другу свое существование, просто испуская впечатления, от пучка к пучку.

Молодой Уотсон решил доказать свое существование научному миру путем дрессировки крыс.

Он на ферме еще, в мальчишестве, любил с ними охотнички позабавиться вместе с любимым котом; там, правда, водились только серые крысы, твари дикие, злые и хитрые; лабораторные белые были потупей, зато легче дрессировались.

Соорудил лабиринт, в котором крысы находили дорожку к угощению, учились дергать за ниточку, поднимавшую задвижку дверцы к еде, наклоняли дощечку, чтобы она тянула за ниточку... Так, не ведая о том, белые хвостатики доказывали свое существование Кому-то Недоказуемому, от которого всецело зависели. А Недоказуемый это существование, чтобы доказать еще Кому-то свое, уродовал или прерывал. Ослеплял крыс, лишал слуха, вырывал усы, разрушал обонятельные луковицы... Все равно, лишенные всех органов чувств, кроме кинестетического – если и его лишить, невозможно передвигаться, – крысы научались всему, чему Недоказуемый их обучал, все равно находили в лабиринте еду и продолжали существовать, чтобы непонимаючи доказывать это Кому-то. А он их убивал, чтобы исследовать их мозги.

– **Живодерство...**

– «Жалость и поиск истины несовместимы», – ответил Уотсон одному своему критику; ответил бы так, вероятно, и вам, и мне. Наблюдения над поведением крыс в лабиринте привели его к важному открытию.

«Научение – не постепенный процесс, а накопительно-скачкообразный. Разрозненные поисковые пробы, достигнув некоего численного предела, завершаются внезапным нахождением правильного решения».

Озарение, догадка – после, казалось, бесплодных попыток... Он был способным исследователем, Джон Уотсон, умел обобщать и кристаллически формулировать, этого не отнимешь.

Потом нечто подобное тому, что он увидел у крыс, но более ярко выраженное, другие исследователи изучат у обезьян, обнаружат и у людей, назовут инсайтом или «ага-переживанием». Одна из основ мышления и интеллектуально-душевного развития. Предваритель-

ной подготовки – сбора и анализа информации, опыта, обучения, тренировок – требуется для инсайта тем меньше, чем выше уровень развития. Поисково-пробных поведенческих попыток при решении жизненных или экспериментальных задач у высших приматов может вовсе не быть – сосредоточился – и готово, решение есть.

Если имеются потребные для этого извилины, пробы происходят в мозгу свернуто, быстрым расчетом вариантов. Внутренние «ага», собственно, и суть думанье.

– *Мой брат, математик по профессии, по стечению обстоятельств очень поздно научился кататься на велосипеде – в восемнадцать лет. Поздно, зато сразу: сел и поехал. Прямо на моих глазах это произошло, я не могла бы поверить, если бы это был другой человек, что он до того ни разу на велосипед не садился. Я-то ведь сама научилась в восемь лет – долго и упорно старалась, падала, расшибалась... А он сел и сразу поехал. Я спросила его: «Как это у тебя получилось»? Он ответил спокойно: «Я думал над этим». Я спросила: «И что?» Он: «Я понял, как надо ездить».*

– Типичный инсайт, с переходом на двигательный уровень. Мозг пересчитал варианты, нашел правильное решение и воплотил его в скоординированные движения тела. Наверное, ваш брат до того не раз внимательно наблюдал за движениями велосипедистов. И наверное, хорошо танцует.

– *Вы угадали. Один наш профессор сказал как-то: «Человека, способного думать, учить не требуется, думающий человек учится сам. Учить требуется только дебилов, это бесполезно, зато кормит. Берегите дебилов».*

– Великий совет, практичный профессор. Таковым вскоре стал и Уотсон – самым молодым профессором Чикагского университета. Провинциализм, недавняя бедность и баптистские строгости – все это теперь работало изнутри как мотор карьеры.

Опыты над крысами привели Джона к ага-переживанию, давно зревшему, что с такой же научной объективностью следует исследовать и людей, изучать, как они себя ведут при таких-то и таких-то условиях, безо всяких там интроспекций и философий. В том же русле неукоснительной объективности развивалась в те годы за океаном психологическая мысль двух русских гигантов: Павлова и Бехтерева. Уотсон читал их труды, писал о них одобрительные статьи, брал пример.

Первое же публичное выступление неоперившегося корифея стало скандалом. Он показал себя сильным оратором и находчивым полемистом. Прочел перед университетскими учеными мужами свою статью о поведении и обучении крыс.

В заключение заявил, что люди от крыс принципиально не отличаются и подлежат тем же научно-исследовательским процедурам.

Тут с места поднялся один из его бывших преподавателей по фамилии Ангел и с едва сдерживаемой яростью произнес:

– Воистину, прогресс науки неудержим. Мистер Уотсон, Дарвин породнил нас с гориллами, а вы смело пошли вперед – побратали с крысами. С кем дальше – с червями, свиньями, мухами?... Я хотел бы напомнить, что человек – мыслящее духовное существо. Как бы вас попросить оставить крысиное – крысам, а человеческое – человеку?

Джон покраснел, поперхнулся, но быстро нашел, что ответить:

– Мистер Ангел, я понимаю, само ваше имя обязывает защищать людей (смешок в зале). Но, позвольте заметить, не только ангелы – среди них бывают и падшие, – а даже верховные божества, случается, ошибаются, как о том свидетельствует старинное изречение «Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ». Благодарю вас за мнение.

Психологические журналы приняли работу Уотсона на ура; только популярный «Life», где окопались противники вивисекции, зло его высмеял, напечатал уничтожающий отзыв и карикатуру: молодой цветущий палач Уотсон, засучив рукава и гнусно улыбаясь, одного за другим, конвейером убивает крысят. «Кто следующий?... Не хотите ли поисследоваться?..»

В Чикагском университете Уотсон получает степень доктора наук (PhD), там же начинает преподавать психологию и продолжает лабораторные исследования. Теперь ясно: его путь – научная карьера, нужно быть энергичным и целеустремленным, продвигаться вперед. И он продвигается: допоздна работает в лаборатории, пишет статьи одну за другой, выступает с докладами. Все получается: молодой блестящий ученый, смельчак с ореолом вундеркинства, – вот теперь он каков. Чувствует себя победителем, на коне.

Но не во всем...

Лав стори, и не одна

После любовной неудачи спешно пускаться в новый роман опасно: рана еще не зажила, душа раздербана и обманывается слишком охотно. На войнах победы, одерживаемые сразу вслед за поражением, нередко бывают пирровыми. На любовных фронтах подавно. Неостывшие угли на пепелище могут дать новое пламя, подкинь лишь дровишек, но будет ли это новой любовью или только прежней зависимостью с измененным лицом?..

– А если прежде была только зависимость, принимавшаяся за любовь, от ее углей может вспыхнуть истинная любовь?

– Может, с той же повышенной вероятностью. В жизни Уотсона произошло и то, и другое.

В баптистском колледже Джон был влюблен в сокурсницу, набожную, строгую, неприступную, и внешностью, и характером похожую на его маму Эмму. Имя этой девушки осталось нам не известным, назовем ее Энн. Джон пылал, а Энн отвергала его, отвергала мягко, с сочувственным пониманием, и тем больнее. Красавчик, еще неопытный, тяжело страдал.

В Чикагском университете, побултыхавшись уже в омуты безлюбовного секса, очутился вдруг в цветнике юных умниц, под обстрелом нежных улыбок и обещающих взглядов. Удерживаться от глупостей было трудно, тем более, что заедала тоска, хотелось повеситься...

И вот однажды, принимая экзамен, молодой преподаватель попался, шахматно выражаясь, на дебютную заготовку Судьбы. Началась, неведомо для него, новая сюжетная линия его жизни – там, дальше, в неразличимом будущем, она приведет карьеру Уотсона к яме, выбраться из которой на прежнюю дорогу уже не получится, выберется на другую...

Мэри Икес была младшей сестрой Гарольда Икеса, министра внутренних дел, влиятельного приближенного тогдашнего президента Теодора Рузвельта. Симпатичная, романтическая девушка, избалованная комфортом («Холодное пиво в койку – это закон», – говорила она, когда развернулась).

На этой фотографии Мэри Икес уже в том возрасте, когда вполне развернулась.

Приехала в Чикаго изучать психологию и тут же влюбилась в очаровательного Уотсона. Дни и ночи о нем мечтала. Учиться это не помогало.

На письменном экзамене не знала ответа ни на один вопрос, подглядывала в учебник, пытаюсь что-нибудь сдуть, и одновременно писала на обложке учебника любовный стишок Уотсону. На словах *«его стройный-стройный стан, его черные-черные волосы, его карие-карие глаза, его алые-алые...»* над ухом вдруг раздалось:

– Время вышло. Прошу сдать работу.

Подняла глаза и увидела, что сидит в аудитории одна-одинешенька, однокашники уже все сдали и покинули помещение. А рядом, совсем-совсем близко стоит, слегка наклонившись к ней, душка Уотсон и строго улыбается.

– Мисс Икес, пожалуйста, сдайте контрольную.

– Ой... Я... Еще немножко... Я вас задерживаю, простите... Еще чуть-чуть дописать...

– Вы уже, кажется, достаточно написали на этом учебнике. Можно посмотреть?

Джон протянул руку – и...

– Что это?... Что-то не по теме.

– Это по... по другой теме...

Вскочила, бросилась вон, но далеко не убежала.

Связь преподавателя со студенткой не могла остаться незамеченной. Слух дошел до грозного брата. Гарольд заявил, что с преподавателем разберется, приказал сестрице оставить университет и отправиться восвояси, но к этому моменту Мэри была уже немножко беременна. Пришлось срочно оформить брак. Гарольд пригласил молодоженов на прием. С новоявленным зятем был холодно вежлив.

– Ну и как вам ваш новый родственник? – спросили его потом в кулуарах.

– Да ничего себе. Эгоистичный болван. Самовлюбленный мудак. Все нормально.

Несколько раньше, чем следовало бы по сроку заключения брака, родилась Полли, будущая мама известной голливудской актрисы Мариетт Хартли. Финальным взвизгом актерской карьеры внучки будет персональное шоу с обвинительным ай-яй-яй дедушке Джону Большому, который испортил жизнь ей и не только ей.

И еще штрих: уже зачав Полли, Джон все еще любил Энн. Когда она приезжала в Чикаго, встречался с ней. Встречи были целомудренны, но Мэри ревновала ужасно.

Безрукие яйцеголовые

«Крысы меня достали. Я уже просто заболел от этих крыс. Не могу больше видеть ни одну крысу на свете, – писал Уотсон приятелю-коллеге в 1904 году. – Зато на этих долбанных крысах я отработал модель исследования с хорошим контролем».

Два весьма значимых для Джона события произошли в этом году. Об одном знать он еще не мог: на свет появился лобастый младенец... Не сын, нет. Сын родится позднее, и не один. Пришел в мир Беррес Фредерик Скиннер, будущий идейный преемник Уотсона, который и поддержит, и затмит его научный авторитет.

А о другом событии узнал сразу: русский научный великан Иван Павлов получил Нобелевскую премию за открытие и изучение условных рефлексов.

Джон вдохновился и решил двигаться в том же направлении, но другим путем. С собаками работать не стал, вторить Павлову не хотелось, да и слишком любил их, собак, – у него всегда было много и сторожевых псов, и боевых, и охотничьих, вернейшие друзья... Экспериментировал на птицах и обезьянах, подбирался и к людям. Внимательно штудировал павловские труды, переведенные на английский. Изучал и «Объективную психологию» Бехтерева, его теорию «сочетательных рефлексов». В 1908 г. получил хорошее место в солидном университете Джонса Хопкинса в Балтиморе (далее ДХУ, сокращенно) – стал профессором кафедры философии, психологии и образования.

– ***Правильная тройка, в одной упряжке все главное.***

– Да, но и многовато для одной кафедры. Так, по крайней мере, рассудил Уотсон и еще через два года уговорил президента ДХУ выделить для психологии обособленную вотчину – отдельную кафедру, заведовать коей Джону и поручили. Помогло занять позицию пикантное обстоятельство: прежний зав тройной кафедрой, некто Болдуин, оскандалился, засветился в борделе, и его попросили освободить вакансию. Уотсон, как дальше увидим, из падения своего предшественника извлек выгоду, но не урок.

В ДХУ проработал 12 лет. Экспериментировал над животными и над людьми. Для начала взялся обучить группу студентов навыкам стрельбы из лука. Сам стрелял метко и с удовольствием, уроки отца не прошли даром. С удивлением обнаружил, что, в отличие от крыс, люди, казалось бы, не тупые, бывают необучаемыми по необъяснимым причинам. Некоторые из самых одаренных студентов так и не смогли научиться натягивать лук и направлять стрелу. «Безрукие яйцеголовые», – называл он таких.

– ***Папа любил стрелять, мама – проповедовать и учить, сын в научной работе соединил и то, и другое?***

– Объектами своих исследований мужи науки (и жены) обычно избирают предметы собственного повышенного личного интереса.

– ***У кого что болит, тот о том и...***

– ...диссертации пишет, статьи, монографии, а также стихи, романы...

– ***А у кого что не выходит, семинар о том проводит?***

– И такое бывает. Уотсону, впрочем, вполне удавалось то, что он, в развитие личного успеха, усиливался еще исследовать и научно. Его дневной алкогольной нормой, пока здоровья хватало, была кварта виски (около литра), без внешних признаков опьянения. С гостями дома любил устраивать соревнования, кто кого перепьет (на всякий случай, правда, перед поединком с сильным соперником тайком заглывал полстакана оливкового масла, чтобы алкоголь меньше всасывался).

А в ДХУ убедил начальство выписать ему за университетский счет сорок литров виски (десять галлонов) – для изучения влияния алкоголя на выработку рефлексов.

– *Эксперименты проводил не только на себе?*

– На испытуемых добровольцах по линии Министерства обороны.

– *В добровольцах, наверное, недостатка не было.*

– Научный подход применил и к другому своему успешному занятию. Вместе с молодым сотрудником, студентом Карлом Лешли, в дальнейшем именитым ученым, начал исследование влияния сексуальных стимулов на поведение студентов обоего пола. В чем именно состояли сексуальные стимулы и как влияли на поведение, через столетие узнать затруднительно – историки науки рассказать постеснялись. Под давлением правоохранительных органов (опечатка удачная, исправлять не буду) и те, и другие исследования пришлось бесшумно прикрыть.

– *Интересно, у всех ли несостоявшихся проповедников происходит такая отмашка маятника? Не кажется ли вам, что совмещение научных интересов и личных в данном случае зашло чересчур далеко?*

– Чересчур, согласен, причем не в единственный раз, на чем герой наш через некоторое время и погорел.

Кусочек бессмертия

Год 1913. Мои годовалые родители, мама Лена в Антверпене, Бельгия, папа Лев в Николаеве, Украина, Российская империя, жизнерадостно существуют, еще об этом не зная, и более чем убедительно доказывают свое существование моим бабушкам и дедушкам. Доказывают тем же, чем через 25 лет в Москве начал им доказывать я, в новой кровожадной эпохе, на перекрестке сталинских репрессий и холокоста.

В тот год затишья перед первой мировой бурей века в России производится перепись населения, разумеющая уверенность власти в своей силе и бесконечности;

– дом Романовых празднует трехсотлетие воцарения, не подозревая, что осталось царствовать только четыре года;

– выходит первый номер газеты «Правда», сперва самой правдивой, потом самой лживой газеты на свете;

– Нильс Бор предлагает миру свою модель атома, Гейгер – свой счетчик, а химик Уильямс изобретает тушь для женских ресниц;

– процесс еврея Бейлиса заканчивается оправданием;

– умирает великий русский человек Иван Владимирович Цветаев, отец Марины Цветаевой;

– Зигмунд Фрейд, в полном расцвете сил и славы, публикует свое «Тотем и табу»;

– Казимир Малевич рисует свой зловещий черный квадрат...

А Джон Бродус Уотсон в этом году обеспечивает своему имени не то чтобы славу, но и не просто известность, а что-то более звучное. Рискнем сказать несколько витиевато: кусочек бессмертия в околонуточном попсоусе. (Мой компьютер не знает и не желает знать эти два последние слова, особенно его возмущает попсоус).

В ДХУ прочел свою первую, дерзкую, революционную программную лекцию, похожую по накалу на проповедь. Это был звездный час его научной карьеры – лекция, обозначившая новое направление в психологии – бихевиоризм: объективное изучение поведения.

«...Психология должна отказаться от субъективного подхода к предмету своего изучения, от интроспективного метода исследования и прежней терминологии. Сознание с его структурными элементами, неразложимыми ощущениями и чувственными тонами, с его процессами, вниманием, восприятием, воображением – все это только фразы, лишенные конкретного содержания...»

Стремясь построить исчерпывающую модель поведенческих реакций, бихевиористы исходят из того, что никакой разделительной линии между человеком и животными не существует...

С точки зрения бихевиориста психология есть строго объективная экспериментальная ветвь естествознания. Ее теоретическая цель – предсказание и контроль поведения».

Предсказание и контроль – вот оно. Ключевые слова всех времен и народов.

Лозунг дня, лозунг века, лозунг тысячелетий. Мечта родителей и правителей, учителей и полицейских, режиссеров и дрессировщиков, бизнесменов и психиатров, священный идол военных и всех на свете служб безопасности, всех этих силовиков. Предсказание плюс Контроль равняется Управлению.

– Да ведь мы же все бихевиористы с пеленок. Младенец уже – тот еще поведенец, из всех сил старается контролировать окружающих. Поищите того, кто не хочет никого контролировать, никем управлять.

– Я, кажется, нашел одного такого. Не хочет, совершенно не хочет, но непрерывно приходится. Его самого хотят предсказывать и контролировать больше всех, пытаются им управлять денно и нощно. Догадываетесь, кто это?

– *Господь Бог?*

Собакоиды и кошкоиды

Год 1915. Первая мировая бойня уже разгорелась, Соединенные Штаты вступят в войну позже всех и обойдутся сравнительно малой кровью. Правда, и этого будет довольно для переполнения психиатрических больниц ветеранами и их массового лечения одним из самых идиотических методов в истории психиатрии. Об этом дальше.

Уотсон, Лешли и Ко всю изучают условные рефлексы людей. Работают так, чтобы подопытным жизнь не казалась медом. Звоня в звонок, одновременно лупят электротоком в стопу. Вырабатывается условный рефлекс сгибания стопы на звонок без тока, не у всех одинаково резво, но вырабатывается.

Все убедительнее Джон убеждается в том, в чем хочет убедиться и убедить других: из условных рефлексов – или, как он предпочитал выражаться, стимул-реакций, – складывается все человеческое. Универсальные кирпичики поведения. А поведением он считал и простые действия, и обдуманные поступки, и сложные виды деятельности, и чувства, и мысли. Мышление, он полагал, это свернутая беззвучная речь, то есть вид речевого поведения. И сознание, и память, и всевозможные переживания – все это поведение и только поведение! – цепочки рефлексов, гроздь стимул-реакций.

Очень ему хотелось, чтобы бихевиоризм стал идеологией психологии и психологией жизни. Вот несколько характерных цитат из Уотсона того времени.

«...Поведение – смесь инстинктивных действий и выученных реакций. Все, что не инстинктивно, суть выработанные рефлексы, привычки, навыки. Инстинктивного у человека очень немного. Обучением можно добиться чего угодно».

«...Психологи должны стать социальными инженерами. Их задача – изобретать способы приспособления индивидов к среде».

«...Множество так называемых симптомов так называемых психических болезней – всего лишь условные рефлексы. Неудачные, неуместные, непродуктивные условные рефлексы».

«...Общество должно использовать психологические знания, чтобы переучивать тех, кто не соответствует нормам цивилизованной жизни».

Большинство преступников, тунеядцев и душевнобольных можно сделать полезными членами общества, нужно только помочь им выбрать верный путь и научить, как идти по нему, не сбиваясь. Лишь тех немногих, чья нервная система настолько изуродована, что к норме их вернуть невозможно, остается изолировать или усыплять».

К слову: в Соединенных Штатах и тогда были в ходу, и сейчас применяются два основных способа смертной казни: электрический стул и смертельные инъекции, в состав которых входит снотворное.

И поныне спорят, какой способ гуманнее.

А вот знаменитое программное заявление Уотсона о воспитании.

«...Дайте мне дюжину здоровых, нормальных детей. Позвольте мне создать собственный мир для их воспитания. И я гарантирую вам, что я сделаю из них то, что я захочу. Я воспитаю из них любых специалистов: врачей, адвокатов, артистов, бизнесменов, а если угодно, то и попрошайек, и воров, и так далее. И все это вне зависимости от их расы и национальности, невзирая на склонности, способности, таланты, призвания и тому подобное. Утверждая это, я основываюсь на полученных мною фактах. Мои оппоненты приводят другие факты. Пусть нас рассудит практика...»

– И какой же вердикт вынесла практика на сегодня? Как рассудила?

– Практика удалилась на совещание. По фактам, известным мне, думаю, что Уотсон был прав примерно наполовину. Раса и национальность ребенка сами о себе действительно не определяют, что и кто из него получится. Уотсон, надо отдать ему должное, с расистскими предубеждениями своей ранней юности открыто расстался, если не на уровне эмоций, то на уровне поведения, и не раз заявлял публично, что этническая принадлежность человека в формировании личности не играет никакой роли.

На самом-то деле и здесь все не просто. Да, раса и национальность внеиндивидуальны, безличны, как наличие или отсутствие родинок или веснушек, но совсем отрицать их связь со свойствами психики – значит противоречить множеству фактов. Этническая принадлежность не лепит характер, но окрашивает темперамент; не влияет на силу ума и интеллекта, но придает им колорит; не определяет содержательность личности, наличие или отсутствие совести, одухотворенность или бездуховность – но сказывается в проявлениях того либо другого, как тембр инструмента, на котором можно исполнить любую пьесу, и Баха, и «Чижик-Пыжик»...

– Так же и язык, на котором пишется или на который переводится художественное произведение, влияет и на само это произведение, и на его восприятие. Шекспир в хорошем переводе с английского остается Шекспиром и на русском, и на французском, и на китайском, но все же на каждом языке это другой Шекспир.

– И другой, и тот же, и превосходно, что тот и другой. Нельзя ставить этническую принадлежность в один ряд со «склонностями, способностями, талантами, призванием и тому подобным».

Эти и многие иные врожденные свойства, общее имя коим генетическая индивидуальность – активны, работают явно или скрыто и гнут свое, как подводные течения, преобладающие ветры или магнитные аномалии – у одних до пренебрежимости слабо, у других компромиссно, умеренно, а у третьих до неодолимости сильно. Употребим грубое сравнение, которое собаколюбивому Уотсону было бы, думаю, по душе. В отношении к воспитанию детей можно, без притязаний на научность, условно и грубо разделить на два вида: собакоиды и кошкоиды. Собака хорошо приручаема и дрессируема, на то она и собака. Кошку тоже можно приручить и выдрессировать до некоей степени, но на то она и кошка, чтобы гулять самой по себе.

Из дюжины уотсоновских ребятишек, быть может, полдюжины, эти вот собакоиды, стали бы такими, какими он брался их сделать – при условии, что воспитатель и в самом деле владеет воспитательскими ноухау.

А кошкоиды развивались бы кто куда, каждого тянуло бы к своему. Один ни за что на свете не стал бы вором, а другой стал бы, хоть руки отрубай.

Третий ни за какие коврижки не сделался бы артистом, четвертый только о том и грезил бы или актерствовал, работая парикмахером, таксистом или чиновником.

Чем больше он узнавал людей, тем больше любил собак. Здесь Уотсон уже поставший, ушедший от дел, с одной из своих любимых.

Пятый бизнесменом, быть может, и стал бы, но только при помощи воровских или актерских способностей; шестой стал бы врачом, да лучше б не становился...

В книге «How to Guide?» – «Как руководить?» Уотсон сокрушался, что родительство, старейшая в мире профессия, постоянно терпит поражение – потому, что за долгие тысячелетия жизни рода человеческого профессией так и не стала. А не стала потому, что руководствуется чувствами, мифами и предрассудками, а не разумом и наукой.

– *На это, пожалуй, не возразишь.*

– Вопрос только в том, что считать разумом и наукой, а что чувствами, мифами...

– *На нашем факультете психологии бихевиоризм не раз поминали недобрым словом как механистический, обездушенный, обесчеловеченный подход к человеку. Бихевиоризм, говорили нам, не то, что подсознания, даже и сознания за человеком не оставляет – только стимулы и реакции с положительным или отрицательным подкреплением.*

– Не все так однозначно; у бихевиоризма в дальнейшем образовалось несколько веток, отличающихся друг от друга по степени, в которой признавалось значение врожденных инстинктов, индивидуальных различий, самообучения, спонтанности, творчества. Воспитание лепит человека из его природы как из глины – nurture сильнее nature – воспитание силь-

нее природы – уверенно заявляли бихевиористы радикальные, жесткие, и первым вслед за Уотсоном Скиннер. Бихевиористы помягче оставляли вопрос приоткрытым.

– У нас одни преподаватели были природниками – верили, что натура человека сильнее его воспитания, – а другие средовиками – верили в превосходящую силу среды, воспитания, обучения и условий жизни.

– Обе команды позабывали друг другу много голов, а общий счет, пожалуй, ничейный.

Парадокс воспитания состоит в том, что хорошо поддаются воспитанию как раз те, которые не нуждаются в воспитании.

Ф. Искандер

Конвертация подсознания психополитическое отступление

Многослойный параллелизм, переливчатые подобию России и Запада напоминают старый парковый аттракцион: два гигантских кривых зеркала, поставленных против друг друга, – комната смеховых ужасиков.

– *Не столь смеховых, сколь ужасиков.*

– Конечно, серьезно все, слишком серьезно. Здесь Сталин, там Гитлер. Здесь мания вредительства, репрессии – там маккартизм...

Вот и с бихевиоризмом вышло обоюдное кривоотражение. Отцы бихевиоризма Уотсон и Скиннер публично объявляли своими предшественниками великих русских исследователей – Сеченова, Павлова (особенно), Бехтерева. Однако в советской академической психологии, сотворившей из первых двоих в этом списке иконы (Бехтерев канонизируется только сейчас), бихевиоризм пригвождался к позорному столбу как буржуазное извращение в психологии. В доморощенных же теориях, отрешившись от извращенцев, на марксистские лады повторяли их зады – ту же суть перекодировали в другие слова, конвертировали в другую валюту, другие (якобы) ценностные устремления.

И сегодня еще у нас в преподавании психологии будущим педагогам, врачам, офицерам, бизнесменам, пиарщикам, дипломатам, деятелям искусства, чиновникам-управленцам и прочая, включая и будущих профессиональных психологов, – альфой и омегой остаются все те же бихевиористские постулаты, простые и плоские, удобные для психопрактики, обманчиво удобные. Те же, только перекодированные, конвертированные.

Вот они:

– большинство людей рождается с равными возможностями;

– мозг каждого – чистая тетрадь, в которую можно вписать что угодно;

– человек – существо формируемое социально: аристотелевское «общественное животное»; все в нем – от работы внутренних органов до мышления – зависит от внешних воздействий, от внушения и обучения; все поведение складывается из немедленных или отсроченных реакций на стимулы, из рефлексов и навыков разной сложности;

– все в человеке можно причинно объяснить, все изучаемо в эксперименте;

– души, тем паче бессмертной, нет, а если и есть, как теперь, после советского перебива, у нас модно вслух заявлять, то к реальности она не относится; для конкретной жизни важна только совокупность условных рефлексов, навыков и реакций, она же личность, которую можно сделать такой или эдакой.

В сущности, из того же, только с других боков и в других словах, исходят и психоанализ, и НЛП, и дианетика с ее сдутой с чужих тетрадей концепцией «инграмм», и еще многие школы и течения внутри и около психологии, аукающиеся и воюющие друг с дружкой.

ОК – Все те же перекодировки?

– При жизни моего поколения происходила взаимная перекодировка религиозного сознания и коммунистической идеологии, коммунизма и фашизма, – конвертация туда и обратно, каждой из сторон яростно отрицаемая. Сегодняшний постсоветский менталитет – перекодированный советский, очень легко узнаваемый. «Единая Россия» – перекодированная КПСС. В советском же менталитете, как живо я ощутил, прожив в 70е годы в деревне, содержался огромный пласт менталитета феодально-крепостнического. В букваре – помните? «Мы не рабы. Рабы не мы». Без частицы «не» – сушая правда.

Неосознаваемая перекодировка – механизм передачи психосоциальной наследственности. Им и сохраняется тяжело-инертное, как земное ядро, общественное подсознание.

Большинство неправильных шагов совершаются стоя на месте.
Томми Дьюар

Свобода – это то, что делаешь с тем, что сделали с тобой.
Жан-Поль Сартр

Из заглашника Анекдoктора

Бизнесмен является на прием к психоаналитику и спрашивает:
– Мне каждую ночь картошка в мундире снится. К чему бы это?
– Как к чему? Все очень просто, – отвечает психоаналитик, – возможны только два варианта: или вас по весне посадят, или по осени уберут.

Лав стори: тупик с поворотом

...Моя Розочка, я ужасный грешник, знаю, но обещаю тебе, что сердце твое и тело будут моими... Каждая моя клеточка принадлежит тебе, каждая в отдельности и все вместе...

Это не цитата из любовного романа, нет, это документ. Слова из письма, опубликованного в газетах и прочитанного сотнями тысяч людей. Первой прочла их особа, которой они были адресованы. А потом та, которой лучше было бы не читать.

...Я мог бы стать еще более твоим только в одном случае: если бы хирургическая операция сделала нас одним организмом, о, я хотел бы, чтобы это и было так... Я хочу удрать с тобой на Северный Полюс, где день и ночь длятся по шесть месяцев, там мы ставили бы рекорды продолжительности поцелуев...

Немудрено, если женщина хранит такие послания возлюбленного у себя под подушкой и перечитывает перед сном. Мудрено, если эти послания, запершись у нее в спальне, читает ревнивая жена возлюбленного, а ничего не подозревающие любовники находятся тут же, за стеной, в гостиной, мило беседуют...

...Все будет прекрасно, но мы должны быть осторожными... Всем своим существом я стремлюсь к тебе, каждое движение моего сердца откликается на тебя...

– Жена читает страстные любовные письма мужа к другой женщине, находясь в спальне этой женщины, а она, эта другая, как ни в чем не бывало, болтает с ее мужем тут же, за стенкой?..

Сцена из кинодрамы, близкая к трагифарсу. Но если так было в действительности, душа несчастной жены должна была в эти мгновения окаменеть...

– К тому времени Мэри Уотсон, в девичестве Икес, была матерью двоих детей – после Полли родился Джон Маленький. Больше детей быть не могло: Мэри пришлось перенести гинекологическую операцию, после которой родить было уже невозможно, затруднительной стала и интимная жизнь. Гиперсексуальный Уотсон, повторяя сценарий отца, начал изменять жене еще задолго до того; Мэри ревновала вначале громко, потом тихо. В отличие от Пикенса, Джон не допускал супружеских разборок при детях – только за плотно закрытыми дверями, но дети все равно кое-что слышали, а что не слышали – чувствовали...

Это Мэри с двумя детишками Уотсона: толстощекой Полли и маленьким Джоном, похожим на девочку.

Жизнь ребят была невеселой. Маленький Джонни рос беспокойным, плаксивым, болезненным, страдал животом, головными болями. Полли, девочка с очень ранним развитием, уже в два года умевшая читать, вспоминала потом, что ее, как и Джонни, за все детство никто ни разу не обнял и не поцеловал. Папа Джон Большой ни маме Мэри не разрешал этого делать, ни сам – только в лобик чмокнул один раз, когда уходил...

В те годы (1919–1921, в России неистовствует гражданская война, мои полуголодные мама и папа пошли в школу) Уотсон был уже видной фигурой – признанным лидером своего самопровозглашенного направления в психологии. Помимо заведывания кафедрой в ДХУ был главным редактором солидного научного журнала *Psychological Review* и президентом Американской Психологической Ассоциации, самым молодым за всю ее историю. Переманивали в Гарвардский, Колумбийский и другие престижные университеты, но Джон держался насиженного места, а востребованностью своей маневрировал, чтобы получать гранты и привилегии.

Избыток энергии распределял в двух мужских направлениях: работа и женщины. Домой возвращался поздно, иногда не ночевал. В интересах карьеры соблюдал коммифо: на официальных мероприятиях и межсемейных раутах – всегда, как положено, в костюме с иголочки, с накрахмаленным воротничком и с супругой. И для Мэри, дамы очень светской,

это было важно – чтобы все честь по чести. Из всех сил старалась свыкаться с неверностью мужа – возможно, это и поспособствовало ее ранней женской инвалидизации.

Напряжение социально сохранного, но душевно и телесно разваленного брака росло. И вот произошло то, чего Мэри боялась больше всего. Джон не просто в очередной раз ей изменил. Джон влюбился. Взаимно. Новой возлюбленной было 19, ему 42. Двадцать три года разницы. Кто мог знать, что еще через восемнадцать лет...

Лав стори: прелестная Розали и малыш Альберт

Она была сама женственность. Нежное, рафаэлевской кистью выписанное овальное личико, обрамленное золотисто-каштановыми волосами. Большие лучистые голубые глаза. Хрупко-округлая фигурка ботичеллиевской Афродиты. Очень светлая шелковистая кожа, легко пропускающая залпы румянца. Звонкий веселый смех, ласково-мелодичный высокий голос – серебряный колоколец со слегка сбивающимся дыханием – все признаки пылкого женского темперамента...

Розали Рейнер, дочь сенатора. Аспирантка профессора Уотсона и его ассистент.

Вот она, юная аспирантка профессора Уотсона – Розали Рейнер

А Джон в это время был примерно таким

Поискал еще фотографии в интернете – и увидел обоих, и Розали, и Джона, да как! – почти вживую, в движении, крупным планом – на замечательно сохранившихся кинокадрах тех лет, запечатлевших скандально знаменитые опыты с малышом Альбертом. Небольшой научно-демонстрационный фильм. Сценарист и режиссер-постановщик – Джон Б. Уотсон.

– Об этих опытах нам рассказывали на факультете психологии. Уотсон изучал психологию эмоций на нескольких малютках. Некоторым из них показывал живого кролика, одновременно подвергал детей не сильным, но достаточно неприятным ударам электрическим током, и дети начинали бояться кролика.

Потом удары прекращались, детям в обществе кролика давали конфетки, и постепенно они переставали его бояться. Но некоторые все равно продолжали... Меня в дрожь бросает от этих экспериментов.

– Меня тоже...

– Ну как можно бить детей током? Просто не верится... Опыты с малышом Альбертом, как сказали нам, входят в десятку самых жестоких экспериментов в истории мировой психологии. Младенчик сначала не боялся никаких животных и предметов. Ему давали ручную крысу, которая ему нравилась, а потом во время игры с этой крысой пугали громким резким звуком – ударом молотка в гонг. В результате малыш стал бояться и крысу, и других животных, и разных предметов.

– Условный рефлекс с обобщением (генерализацией) – инстинктивный страх, пробужденный через уши, подтвердив поговорку, быстро нарастил себе большие глаза.

Восьмимесячный малыш Альберт был сыном бедной незамужней женщины, она работала кормилицей и няней других детей, а свое дитя держала в приюте и согласилась предоставить исследователям для экспериментов за небольшое денежное вознаграждение. Ее заверили, что опыты будут совершенно безобидными. «Альберт» – псевдоним, придуманный Джоном и Розали; настоящее имя этого человечка было Дуглас Мерритт.

На старой киноплёнке движения, как в мультиках, карикатурно ускорены, но что происходит, понять можно. Младенец сидит на матрасе, пытается ползать. Форма головы ребенка оставляет желать лучшего; мимика бедна, движения вяловаты и неуклюжи.

Слева от малыша – изящная молодая особа в элегантном темном платье с белыми отворотами на рукавах и воротнике. Прическа каре разделена срединным пробором так, что волосы образуют красивую готическую рамку для нежного лица. Миловидная леди сосредоточенно следит за движениями и мимикой ребенка, в какие-то моменты поддерживает его; когда малыш плачет – ласково поглаживает по спинке. То отодвигается, то присаживается близко к маленькому подопытному, даже ложится рядом.

Перед мальчиком оказывается то белая крыса, то серый пушистый кролик, то лохматая взволнованная собака, то обезьянка, мечущаяся на поводке и орущая, то мочалка, то кусок шерсти. Иногда в кадре появляется длинная, крепкая мужская рука, мелькнула разок большая нога в ярко вычищенном башмаке; удалось заметить, что брючина выглажена отменно...

А вот и обладатель всего вышеозначенного: крупный красивый дяденька в замечательно отглаженном темно-сером костюме и белоснежной рубашке. Легко узнается – похожий на все свои фотографии, начинающий чуть сидеть с висков, достигший пика мужской убедительности профессор Уотсон. Это он подсовывает малышу живность и разное прочее, кроме кролика, которого высаживает на авансцену прелестная Розали. Движения Джона решительны и уверенны, на лице выражение экспериментаторского азарта, в какие-то мгновения ловится жестковатый оскал. Он знает, что и для чего делает, он хозяин, ведущий, солист. Розали аккомпанирует сосредоточенно, легко, чутко. Малыш, вначале спокойный, доверчивый и расположенный поиграть, вскоре начинает обнаруживать признаки тревоги и

недовольства. Когда рядом оглушительно бьют молотком в железяку, вздрагивает, куксится, вот-вот заплачет...

– *Маленькие боятся всего громкого, резкого и неожиданного...*

– Кульминация наступает, когда профессор демонстрирует испытуемому себя, но не в своем облики, а Санта Клауса, доброго Дедушки Мороза, – сказал бы я, если бы сам сидел на этом матрасе. Но там сидел малыш, который о Санта Клаусе представления еще не имел. И когда дяденька профессор вдруг хищно лег животом на матрас, резко приблизил к младенцу свое лицо, почти вплотную, – и вдруг моментально напялил на себя бородатую маску, – жутковато сделалось даже мне, зрителю, понимающему, что происходит.

Вот как это происходило

– *Еще бы – какое-то вдруг страшилище появилось! Огромная борода – это же ужас! Даже дети трех и четырех лет часто пугаются дедов Морозов на новогодних праздниках, закрываются от них, плачут, хотя вроде уже знают, кто это.*

– Вот и малыш Альберт, он же Дуглас, в ужасе разревелся, развернулся на 180 градусов и ползком, со всей возможной для него скоростью бросился, как к мамочке, к Розали.

Уотсон показывал этот эпизод коллегам и студентам как образец генерализации выработанного рефлекса – страха, вызванного громким звуком и «опредмеченного». На самом же деле это грубый пример инстинктивной физиономической реакции. Той самой, благодаря которой маленький ребенок в компании незнакомых людей сразу и безошибочно выбирает самого доброго и боится самого злого, хотя этот злой может быть благостным и улыбчивым, а добрый – угрюмым. Так же чувствуют, «кто есть ху», собаки, кошки и лошади, но они ставят свои диагнозы не столько по физиономиям, сколько по пантомимике – очертаниям и движениям всей фигуры в целом, а также, похоже, и по биополям.

– *Вас не удивило такое охотное участие ангелоподобной Розали в этом скверном эксперименте?*

– Не удивило, потому что и по себе знаю, что такое для юного человека гипноз идеи в соединении с гипнозом любви.

– *Гипноз любви – это понятно. А что за гипноз идеи, какой?*

– В данном случае – идеи бихевиоризма, в проповедь которого Уотсон вкладывал всю свою конвертированную баптистскую энергетику. Розали полюбила Джона не просто как красавца-мужчину и неотразимого донжуана. Полюбила как первооткрывателя и глашатая истины, как борца за великое дело улучшения человечества, как наставника. При такой воз-

растной разнице духовная составляющая любви с младшей стороны имеет повышенное значение.

– *Припоминается великозрелый муж Пифагор и его юная жена...*

– Просматривая эпизоды с Альбертом, можно заметить раздвоенность Розали: видно, что она жалеет малыша, но живое чувство зажато прессом преданности науке и любимому шефу. Так могла бы выглядеть неопытная медсестра на безанестезийной хирургической операции.

– *Как жил и развивался дальше малыш?*

– Джон и Розали занимались с ним около четырех месяцев. За это время Альберт стал пугливым, нервным, плаксивым. В конце серии опытов экспериментаторы попытались выработать у младенца обратные рефлексy, сделать его снова доверчивым и спокойным. Но страхи, которые так легко удалось вызвать, не удалось устранить, и малыша просто вернули матери.

Прожил этот ребенок совсем мало, всего 6 лет; у него патологически раздулась голова: развилась гидроцефалия – водянка мозга. Не вследствие экспериментов над ним, нет, заболел раньше, возможно, еще в утробе – признаки начинающейся гидроцефалии заметны на кинокадрах, никто их вовремя не распознал. Болезнь и краткость жизни маленького страдальца – не результат, но символ детской ущербности, скрывающейся под маской бородатой науки.

D-r Mozg: Recipe № 5.

Пропись Джорджа Элиота

Простая человеческая жалость помогает лучше, чем вся мудрость веков. Commentarium. Отличай жалость умную, зрячую от жалости глупой, слепой. Если человек смертельно болен, и у тебя выбор: жалость без правильного лечения или правильное лечение без жалости – выбирай второе. И это будет правильная, зрячая жалость.

Лав стори: побочный эффект плохой конспирации

Однажды вечером Мэри Икес Уотсон уехала в Нью-Йорк в гости к брату. Джон остался дома с детьми и своим гостем, старым приятелем. Детей отправили спать. Почав третью бутылку виски, мужчины завалились, не раздеваясь, на двуспальное ложе в супружеской спальне Уотсонов. Оба дымили папиросами и продолжали кирять. Скрытный Джон под парами вдруг ощутил потребность излить душу.

– Старина, ты когда-нибудь любил женщину?

– Н-не знаю. Бывает, думаю: о, это самая лучшая, это мечта... Добиваюсь своего, а оказывается... Все они одинаковы. Подольше удержишься – скука и отвращение.

– И у меня так. Всегда. Было. А теперь вот люблю.

– Пройдет.

– Не пройдет. Это ни на что не похоже.

– Да что с тобой? Сбрендил, что ли?

– Ты не представляешь, какая она прелесть. Дочка сенатора. Скромница, умница. Вместе работаем, она мой ассистент. А какая веселая. А в постели! – чудо, жемчужина...

– Где же вы развлекаетесь, в лаборатории?

– Ни в коем случае, у нас строго. По выходным ездим в Нью-Йорк, у ее подружки свободные апартаменты в Манхеттене, там и отрываемся. Скоро отправлю семейство на отдых в Швейцарию, тогда и здесь будет можно.

– А сколько лет твоей пассии?

– Девятнадцать.

– Ну, ты даешь. И что будешь дальше с ней делать? Выдавать замуж?

– Ага. За себя.

– Это как? Ты, как я понимаю, женат.

– Разведусь. На Мэри уже смотреть не могу. Года два еще потерпеть придется. Надо все правильно подготовить, чтоб без скандала. Директор наш блюдет репутацию университета, корчит из себя пуританина.

– Смотри, осторожнее.

Друг как в воду глядел. Осторожности не хватило и в этом разговоре – его подслушала за приоткрытой дверью четырнадцатилетняя дочка Уотсона Полли, ей не спалось...

Девочка никому ничего не сказала. Испытала потрясение основ, от которого не оправилась на протяжении целой жизни. Бросила школу, замкнулась в себе. Депрессия стала основой ее характера и годам к тридцати перешла в хронический алкоголизм. Полли совершила несколько попыток самоубийства, довела до самоубийства своего мужа, психологически искалечила дочь...

– У папы счастье любви, у дочери и внучки поломанная судьба. И все из-за нечаянно подслушанного разговора?

– Не только из-за этого, но для депрессивного развития Полли это был пусковой момент. На склоне лет она рассказала о нем внучке Уотсона – своей дочери Мэриетт, рассказ о которой дальше.

Зависть всегда продолжается дольше, нежели счастье тех, которым завидуют.

Франсуа Ларошфуко

Лав стори: прямой эффект плохой конспирации

Две элитные балтиморские четы: Рейнеры, светские львы, и Уотсоны, Джон и его супруга Мэри, интеллектуальные звезды местного значения, – дружили домами. Часто вместе ужинали. Розали, прелестная дочь одного достойного человека и старательная сотрудница другого – в общей веселой компании. Болтали, шутили. Трое из пяти в этом кружке не должны были догадаться, что двое других – любовники, но грубая закономерность «шила в мешке не утаишь» сработала и на этот раз.

Машина Розали Рейнер, на которой она уезжала на выходные из Балтимора в Нью-Йорк, была сенаторского класса – шикарной, слишком шикарной, чтобы остаться вне пристального внимания заинтересованной публики. Нельзя было не заметить, что спутником-пассажиром в этой машине часто оказывался приятно сидящий высокий красавец, научный руководитель девушки, известный психолог. Слухи ползли. Конечно, мисс Рейнер могла и просто подвозить своего шефа: в Нью-Йорке у него всегда было много дел, слишком много.

Мэри догадывалась о характере этих дел и молча надеялась, что они закончатся так же спокойно и тихо, как прежние приключения Джона. Но дела не заканчивались, напротив, росли, крепили и умножались. Обрастали письменной документацией – как Мэри убедилась, отнюдь не бюрократической. Пока Джон с Розали занимались своим многогранным исследованием стимулов и реакций, Мэри с той же внимательностью исследовала мужнины карманы и скоро нашла, что искала:

Мой рыцарь, мой всадник, о, мой властелин,
Владелец цветущих холмов и долин,
Я сладкий нектар для тебя берегу,
Приди же скорей, пред тобой я в долгу!..

Любовные записочки и стишочки Розали живо напомнили ей тот давний экзамен, чудесный и злополучный, когда она тоже... стишок... такой недавний экзамен... оказывается, это еще не ушло...

Нет. Ушло. В этот миг любящая и наивная Мэри прекратила свое существование окончательно. Появилась Мэри холодная, дальновидная, мстительная, коварная. Работа по сокрушению кумира вступила в стадию кульминации. До некоторых пор атака искусно маскировалась.

Лав стори: операция «Обыск»

Разговор Мэри с братом.

– Давно поняла, что он спит с этой девкой. Вот, погляди: в кармане нашла.

Мой милый, мой ласковый бог и король,

Явись, обними, утоли мою боль,

Твоих поцелуев пьянящий нектар

В крови разжигает жестокий пожар...

– Бред сиропный какой-то.

– Что делать с этим? Предъявить – отпираться будет, скажет: произведение моей испытуемой, студентки, поведенческая реакция на предъявленный стимул.

– Стимул, гм... М-да... Для улики юридически недостаточно. Вот если бы ты его записочки ей нашла, тогда...

– ...Это мысль.

И вот Мэри и Джон отправляются в гости к Рейнерам на роскошный ужин сенаторского класса, тот самый ужин... Мужчины пьют наперегонки. Мэри оживлена, непринужденно болтает со старшей Рейнершей и Розали. Вдруг замолкает, закрывает глаза, начинает тереть пальцами лоб, бледнеет... Джон:

– Мэри, ты что? Что с тобой?

– Нехорошо что-то... Голова кружится... Поедем домой? Мне бы полежать немного...

– Пройдет. Полежи здесь.

– А где?... Розалиночка, у тебя в спальне можно?

– Да-да, конечно, конечно – затрепыхалась Розали.

– С-сама не вставай, – строго приказал поддатый сенатор. – Поможем. Ать-два-а – взяли!

Все четверо, подхватив Мэри с разных сторон, дружно препроводили лазутчицу в логово врага.

Улегшись, Мэри слабым голоском попросила:

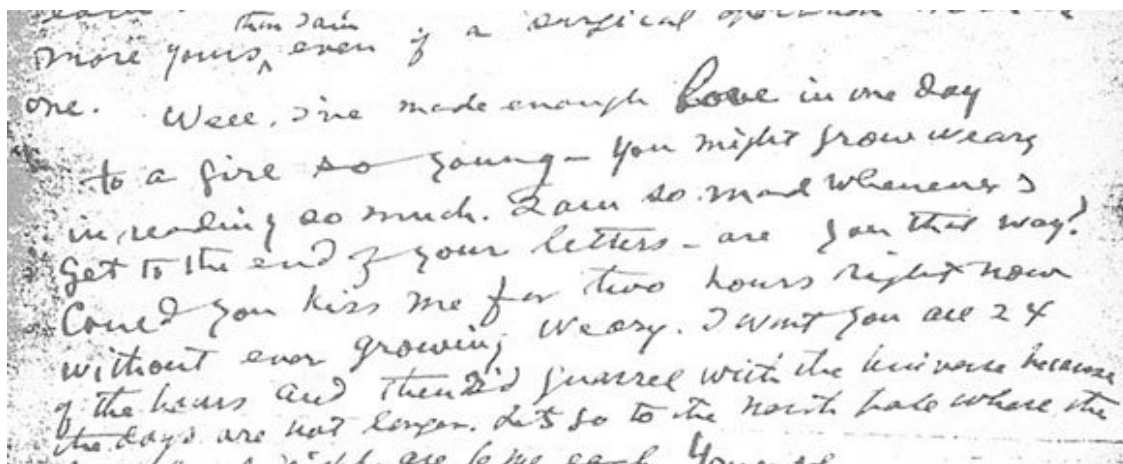
– Закройте, пожалуйста, поплотнее дверь, свет мешает. Попробую немного вздремнуть.

...Ну вот, дверь закрыта, болтовня и смех за ней продолжают. Можно приступить к обыску. Начнем с прикроватной тумбочки... В этом ящике ничего, кроме косметики. А в этом?... Ага, вот.

...Каждая моя клеточка принадлежит тебе, каждая в отдельности и все вместе... если бы хирургическая операция сделала нас одним организмом...

...хочу с тобой на Северный Полюс... там мы ставили бы рекорды продолжительности поцелуев...

...всем своим существом я стремлюсь к тебе, каждое движение моего сердца откликается на тебя...

Одно из любовных писем Джона к Розали, копия которого появилась потом в печати.

Угловатый, с мощным нажимом почерк супруга. Четырнадцать страстных любовных писем.

...столько любви на одну такую юную девушку – ты еще не устала?.. дочитывая твоё письмо, я с ума схожу, а ты тоже?.. Можешь ли целовать меня два часа без усталости?.. я хочу тебя 24 часа в сутки и готов сокрушить вселенную за то, что дни такие короткие...

...все будет чудесно, нам нужно лишь аккуратно вести игру... пока что приходится играть, но мы будем вместе...

Аккуратно утрамбовав документы в бюстгальтер, немного еще полежав для правдоподобия, Мэри вернулась, как ни в чем не бывало, в гостиную.

– Ну, как ты?

– Получше. Немножко слабость еще есть. Налейте винца.

Лав стори: скандал с оттенком печали

Вечером следующего дня Розали заглянула в прикроватную тумбочку. Оправившись от шока, сообразила, кто похититель писем. Сказать Джону решила лишь через день. Он побледнел и присел на край лабораторного ящика для крыс. Тошнотный холодок в животе дал знать, что час пробил...

Вернулся домой раньше обычного. Мэри, как ни в чем не бывало, сидела, покуривая, за пасьянсным столиком.

– Верни мои письма.

– Какие письма?..

– Ты знаешь.

– А... Ты об этих записочках к твоей девочке?.. У меня их нет.

– Где они?

– В надежном месте, не беспокойся. Вы бы, ребята, получше прятали свои литературные упражнения, а то валяются под ногами, приходится подбирать, чтобы не споткнуться.

– Отдай.

– Сказала же, у меня их нет. Сдала на графологическую экспертизу. Тебе все понятно?

– Ну и сука же ты.

– От кобеля слышу, сэр.

Письма были уже у брата Мэри. Он скопировал их и вызвал Рейнеров на разговор. Предложил им срочно оправить дочку в Европу, сенатор с готовностью согласился. Розали отказалась. Отец пригрозил, что лишит ее наследства. Розали осталась непоколебимой. После долгих препирательств и шантажа (брат Мэри пытался вытянуть из Рейнеров деньги) Джон и Мэри развелись. А вскоре одно из любовных писем Джона попало на стол к президенту ДХУ. Невзирая на мировой научный авторитет Уотсона, президент отверг его просьбу повременить с увольнением, пока не закончатся начатые исследования, и профессора с треском выгнали.

Джон согласился на все затребованные Мэри условия развода. Она получила все имущество, у него не осталось ничего, кроме долгов. Взамен пообещала «ноу паблисити». Но через три дня после развода вышли газеты с именем Розали в заголовках («юная дочь сенатора сокрушила семью великого психолога»), а затем интервью Мэри в газете «Нью-Йорк Геральд». «Мой бывший муж давно импотент. Не знаю, может, эта малышка пытается его убедить, что надежда еще есть. Пусть старается».

D-r Mozg: Recipe № 6.

Тайна непотопляемости.

*Добившись всего желаемого, знай, что главного у тебя еще нет.
Потеряв все, знай, что главное у тебя осталось.*

Из заглашника Анекдоктора

- Рабинович, ваша дочка уже вышла замуж?
- Таки нет.
- И что так?
- Ой, она слишком умная, чтобы выйти замуж за того идиота, что согласится на ней жениться.

Sic transit gloria mundi¹

Опозоренный, без работы, без денег и без жилья, Джон Уотсон не сидел в бездействии ни минуты. Розали любила его и поддерживала, и он твердо решил подняться из нокаута и дать судьбе сдачи: в 42 года начать жизнь с начала.

Оставив юную невесту временно у родителей, уехал в Нью-Йорк, приютился у приятеля и занялся трудоустройством. Это было не просто: все пути продолжения академической карьеры оказались перекрытыми напрочь. Коллеги, за малыми исключениями, дружно поспешили его забыть.

На новую работу Джона устроил его благородный научный соперник – Эдвард Брэдфорд Титченер, англичанин по рождению, профессор Корнельского университета в Итаке, основатель первой американской психологической лаборатории, продолжатель классической европейской традиции в психологии – германской школы Вундта.

На первое место среди методов психологии Титченер вслед за Вундтом ставил интроспекцию (буквально: внутрь смотрение, или, чуть вольней: самонаблюдение) – осознание, описание и сравнение переживаний, своих и чужих, субъективный опыт. Как раз то, что, следуя Павлову и утрируя его, Уотсон отбрасывал как мусор, не интересный науке. Титченер же, напротив, мусор этот скрупулезно микроскопировал: часами беседовал с испытуемыми, дотошно расспрашивал об их ощущениях, чувствах, мыслях, воспоминаниях, все это записывал, сопоставлял... Обнаружил в психике около тридцати тысяч основополагающих элементов, которые сравнивал с химическими. Вступая в различные соединения между собой под влиянием внешних воздействий (но и не только, еще и по своим внутренним закономерностям), эти первичные психоэлементы, предположил Титченер, и образуют психику – душевную деятельность, живую и развивающуюся. Концепция в целом именовалась структурализмом.

– *Мне почему-то нравится эта архаическая концепция.*

– И мне тоже, хотя кажется громоздкой и фантазийной.

– *Фантастично ведь и то, что в организме каждого человека – около ста миллиардов нервных клеток...*

– Интересно: число гипотетических титченеровских психоэлементов (хочется назвать их псигенами) приблизительно совпадает с числом генов, обнаруженных век спустя в геноме человека.

– *В курсе общей психологии нам рассказали об открытой Титченером иллюзии восприятия: окружность, окружённая другими окружностями, кажется тем меньше, чем больше диаметр окружностей, ее окружающих. Преподаватель сказал: «Вот и человек кажется тем незначительнее, чем больше вокруг него важных персон. А ведь это всего лишь иллюзия, обман чувств».*

– Метафоричная иллюзия, что и говорить.

Так вот, похоже, не зря Титченер занимался изучением человеческих переживаний. Не знаю, это ли сделало его более сочувственным и человечным, чем остальные американские психологи того времени, но именно он, чьи научные позиции были сокрушены бунтарской агрессией уотсоновского бихевиоризма, оказался единственным из коллег, протянувшим Джону руку поддержки. Титченер написал для Уотсона авторитетное рекомендательное письмо в крупнейшее в Штатах рекламное агентство Уолтера Томпсона (Нью-Йорк, шикарная Мэдисон авеню), и Джона приняли на работу.

¹ Так проходит мирская слава.

«Я обязан вам более, чем кому-либо из моих коллег за все время моей жизни, – благодарно писал он Титченеру. – Вы единственный поддержали меня в самое трудное время и дали возможность выскользнуть из удушающей петли безработицы и нищеты. Благодаря вам я сумел снова стартовать в момент, когда впору было помыслить о финише...»

Из князи да в грязи: пыльная работенка

Что такое рекламное агентство? Фабрика охмурежа. Гипнозавод. Производственный комбинат психического изнасилования. Конечный продукт – потребитель. Окученный, соблазненный, послушный, зомбированный, охмуренный, оболваненный потребитель.

Тогда, в начале двадцатых, необходимость такого конечного продукта, разумеется, понималась, как понималась и на восточных рынках с их зазывалами, как понималась в античных полисах, как понималась всегда и всюду. Но в производственных технологиях не было научной основательности – действовали, как исстари, по наитию, полагаясь на нахальство, удачу и некий дар неизъяснимого свойства. Слово «психология» тогдашним рекламщикам было внове.

Новичка Уотсона, называвшего себя профессором психологии, да еще с солидной рекомендацией, у Томпсона приняли сдержанно и чуть иронически: рекомендация рекомендацией, профессор, мировое имя, ага, но поглядим, как себя покажет. Устроили что-то вроде экзамена или теста: попросили, не сходя с места, симпровизировать реклам-слоганы к дюжине разных товаров. Более или менее сносными, на взгляд тестирующих, оказались лишь два или три – результат так себе, на троечку с минусом. Джон запомнил это испытание и на всю оставшуюся жизнь сохранил острую неприязнь к тестам, каким бы то ни было.

Взяли на испытательный срок. Начать заставили с полевого маркетинга. Первое задание: пойти в люди и выяснить, какие резиновые сапоги они предпочитают и почему. Уотсон потом вспоминал:

«Конец 1920 года. Шлепаю под дождем по грязным берегам Миссисипи, останавливаю проезжающие машины, захожу в незнакомые дома, звоню в звонки и с порога спрашиваю всех об одном: резиновые сапоги, господа, какой марки резиновые сапоги вы предпочитаете? Сапоги, уважаемые господа, ваши резиновые сапоги. Скажите, пожалуйста, резиновые господа, какие уважаемые сапоги вы предпочитаете?..»

Я снова наивный застенчивый мальчик, совсем зеленый от неопытности и злости. Снова всему учусь с самых азов. Все предыдущие годы я был закрыт от жизни сначала школьной скамьей, потом университетской, потом своей кафедрой и профессурой. Я углублялся в свою науку, но имел весьма отдаленное представление о реальных людях...»

Маркетинг был признан удовлетворительным. В начале 1921 года Уотсона зачислили в штат томпсоновского агентства с окладом 10 тысяч долларов в год – меньше тысячи в месяц.

Подоспело и оформление разводных бумаг. Сразу после развода Джон женился на Розали. А вскоре и Мэри вновь вышла замуж. Избранником ее на сей раз стал солидный состоятельный бизнесмен. Несмотря на женскую инвалидность и пережитую драму, Мэри прожила в здравии и довольстве еще 50 лет. До конца своей долгой жизни она чувствовала себя победительницей своего бывшего.

– *Полли и Джонни-младший остались с ней?*

– Да, о судьбе их дальше.

Пыльная работенка: непыльные результаты

*Я скажу тебе с последней прямоотой:
все лишь бренди, шерри бренди, ангел мой.*

Мандельштам

Все лишь бренды, сказал бы в ответ Уотсон. Все лишь бредни, оговорился бы ваш покорный слуга. Следующим заданием профессору от рекламагентства было протолкнуть на рынок новый бренд кофе. Опять именитому психологу пришлось обивать пороги, на сей раз продуктовых магазинов, и убеждать торговцев: товар – супер, берите опт, дешево!.. Продавцы ухмылялись, брали на пробу три, пять упаковок, и все. Джон понял: надо вникнуть в торговую жизнь изнутри, найти решающее звено.

Сам встал за прилавок в магазине. Внимательно присматривался к каждому покупателю. Наблюдения записывал, анализировал. Сразу же обратил внимание, что быстрее других расхватываются товары, расположенные возле кассы: в этом пространстве покупатель получает какой-то дополнительный стимул. Какой?.. Нахождение рядом с кассой включает то, что можно назвать обобщенной «реакцией платежа» – касса есть стимул для этой реакции, и коль скоро реакция *активируется* – она, как и реакция страха у крошки Альберта, стремится генерализоваться, захватить «под себя» как можно больше стимулов. (Ухтомский назовет это «доминантой»). Все, что попадает в поле восприятия во время «реакции платежа», попадает и под вопрос «а не купить ли заодно это? – а не забыл ли я это купить?»

– **Классика шопиногомании. Узнаю себя.**

– Так Уотсон сделал свое первое психопрактическое открытие на ниве торговли: *активация* мотивации так же важна, как и сама мотивация, если не более. Мало того, что подросток любит пожевать жвачку, имеет такую мотивацию – надо ему эту жвачку нечаянно показать, ненавязчиво сунуть под нос. А уж совсем классно будет, если на глазах подростка другой подросток обрадованно купит такую жвачку, начнет со вкусом жевать, а за ним, другой, третий...

Решающее звено торговли – конечно же, человек-потребитель: потенциальный покупатель. Работайте с ним целенаправленно, работайте правильно, работайте изобретательно – и сможете продать ему что угодно, хоть тень фараона Аменхотепа в томатном соусе. Где-где, а в рекламе и торговле бихевиоризм работает: создайте стимул – получайте реакцию.

– **Странно, что такую простую очевидность приходилось когда-то кому-то доказывать.**

– Приходилось, приходится и придется, еще и еще. Следующим открытием Уотсона была повсеместная упертость производителей в свой товар и продавцов в свой прилавок. Ни те, ни другие не знают в достаточной мере своего покупателя, не интересуются им, не вникают в его психику, в его потребности и возможности, желания и мечты. Не понимают и не желают понимать, чего люди хотят и могут хотеть, а лишь настырно пытаются впихнуть им свой товар, одолевая непонятное сопротивление, и удивляются, печалются и негодуют, когда товар не берут.

Еще одно открытие, результат многих проверок «слепым методом», Джон обтекаемо назвал «брендовой лояльностью». Точнее было бы назвать его правилом лоха. Основной факт: только один из десяти потребителей самых ходовых товаров – воды, пива, сигарет и т. п. – при употреблении отличает один бренд от другого, если не смотрит на этикетку. Девять

из десяти различий не ощущают и пьют пиво «Баран», думая, что это «Козел», с превеликим удовольствием, лишь бы этикетка была что надо. Даешь имидж!

– **Эффект плацебо, эффект внушения, как при приеме таблеток?**

– Он самый. Как заметил Уотсон, люди платят не за товар, а за идею товара и атмосферу, которая его окружает. Не вещь покупают, а свои эмоции и ассоциации. Не качество содержания решает, кто завоюет рынок, а качество формы: стилистика – и, что очень важно, ее своевременное обновление.

Джон не первым открыл, но первым научнообразно описал «фактор устаревания» – а попросту говоря, надоедание товара, какого угодно, будь он и само совершенство, если его бренд – наружность и способы преподнесения – время от времени не освежаются. Освежение должно происходить так, чтобы примелькавшийся образ, не потеряв узнаваемости, снова привлек внимание – чтобы узнался как будто заново.

Нота бене! – То же самое требуется в искусстве, в политике, в педагогике, в любви и супружестве.

– **Не сулят ли эти законы удачи и неудачникам, вовремя освежаемым? Или опять только неудачи, освеженные, но узнаваемые неудачи?..**

Тот бренд кофе, который вначале не пошел, Уотсон все-таки сумел раскрутить?

– Насчет того бренда не знаю, но успех кофе Максвелл, который и ныне в большом ходу – стопроцентно успех Уотсона.

– **Лучшие ли в действительности кофе Максвелл, чем другие?**

– Не знаю, не сравнивал, знатоков не расспрашивал, но массовый потребитель, судя по объему продаж, счел, что Максвелл круче всех. Этикетка – самая яркая и по сей день.

Исторический факт: именно Джон Уотсон, понимая, что делает, мощно продвинул продажи кофе по всему периметру рынка введением в массовый обиход так называемого кофе-брейка – кофепития в перерыве.

(Кстати: авторство понятия «тайм аут» тоже принадлежит Джону Уотсону). В конторах и офисах, на конференциях и симпозиумах кофе-брейк – это давно уже вписанный в распорядок, сам собой разумеющийся ритуал. Придумал его и уговорил целый мир заправляться кофе несостоявшийся баптистский проповедник Джон Бродус Уотсон.

– **Как же ему это удалось?**

– Не сразу, разумеется, не за один присест. Кофе-брейки были рекомендованы с высоты новообретенного авторитета Уотсона в качестве психогуру поколения американцев тридцатых годов, когда огромный успех возымели его популярные книги, когда по радио звучал его мягко-властный, сексуально-убедительный баритон...

К этому времени Джон уже раскрутил сигареты Кэмел с их безумным губастым верблюдом (на женщин верблюды этот действовал просто убойно), пудру Джонсон-энд-Джонсон («нежнейшая и надежнейшая») и косметический бренд PandsColdCream, ради раскрутки которого добрался до королей Испании и Румынии и уговорил дать рекламные рекомендации. *Крем для королевы – бархатная кожа. Женщины и девы, вам поможет тоже!* Продажи фантастически подскочили.

– **Еще бы. Королевы обмазываться чем попало не станут.**

– Так покупательницы и подумали, на что Джон и рассчитывал. А вот чтобы уверить народ, что зубная паста Пебеко – самая лучшая, пришлось применить непрямую рекламу, выстроить многоходовку. Всемирно известный (sic!) профессор Уотсон ведет регулярные просветительские радиопередачи. Объясняет профанам, как они устроены и как жить правильно.

В одной из передач в течение получаса рассказывает о физиологии десен, слюнных желез и жевания, акцентируя внимание на неопровержимо доказанном учеными факте: стимуляция слюнных желез очень полезна для здоровья зубов.

Если не жалуете бормашину и желаете обойтись без протезов – стимулируйте, господа, ваши слюнные железки. А как же их стимулировать?... Это уж, разлюбезные, думайте сами. Почаще шевелите языком, ищите подходящие пасты...

Бренд спонсоров передачи – компании, выпускавшей пасту Пебеко, *особо вкусную и специально*, как написано на тюбике и в инструкции, *предназначенную для стимуляции слюнных желез*, не назывался ни разу. Но как сразу взмыли продажи!..

Вот и еще заповедь от профессора Уотсона, для торгующих и не только: если в товаре потребности нет – сотвори потребность. Внедрись в мотивации потребителя, в его страхи и вожделения, найди в них дырочку, углуби и расширь ее задушевной авторитетной беседой – получится потребностная ниша для твоего товара. Теперь подтолкни товар к нише, поближе, еще – и – оп! – ниша заполнится, как луза бильярдным шаром.

Без малого четырех лет Джону хватило, чтобы стать вице-президентом компании Томпсона и авторитетом номер один в пионерской, странно теперь сказать, области – психологии рекламы. Добрый ангел Титченер прислал ему поздравление и выразил опасение, что теперь Уотсону уже не захочется возвращаться в академическую психологию, а как хотелось бы, чтобы такой яркий ум снова сиял в науке. Я уверен, писал Титченер, что вас так же влечет поиск объективной истины о человеке, как в то недавнее время, когда вы внесли в него столь оригинальный и блистательный вклад.

Так выглядел преуспевающий вице-президент Джон Бродус Уотсон

В канун четвертого, триумфального года продвижения Уотсона на новом поприще в приветственной речи руководителя компании, обращенной к сотрудникам, свежо и волнующе прозвучали слова:

«Ключи к созданию эффективной рекламы надлежит искать в закономерностях, управляющих человеческим поведением. Психические реакции должны служить для нас строительным материалом, как материал физический – для промышленности».

Эти слова были подарены шефу Уотсоном. Не за просто так: зарплата Джона к тому времени возросла в пять раз, а еще через пару лет – уже в семь. 70 тысяч долларов в год – не хило и для времен нынешних, а тогда доллар весил побольше.

Будущее за профанацией?

Изгнанный из академической среды, одиозный, затравленный и презираемый учеными коллегами, Джон Уотсон в двадцатые-тридцатые годы стал плодовитейшим научно-популярным писателем. В каких только журналах и газетах не появлялись его статьи, интервью, заметки на самые разные психолого-житейские темы... С его легкого пера – и особенно с «Психологической заботы о ребенке» – на Западе начался продолжающийся и поныне бум бестселлеров популярной психологии и медицины. Массовый читатель начал осознавать, что наука, переведенная в форму отпрепарированной житейской мудрости и усовершенствованного здравомыслия, может помогать жить, и что плоды ее можно получить в виде, готовом к употреблению, через печатное слово. Врачу Споку, психологу Скиннеру, трезвомыслящему наблюдателю и бизнесмену Карнеги приготовил пути он, Уотсон. И того более: не без его невольного содействия начали естественным порядком читать – не столь массово, но начали и продолжили – авторов более академичных: Фрейда и Юнга, Фромма и Франкла, Лэнга и Роджерса, а из российских – Выготского, Лурия, Зинченко...

Естественной была и реакция. После популистского прорыва Уотсона в стане академических психологов началось смятение. – Профанация! – Шарлатанство! – Только научно верифицированные данные психологических исследований должны, как проверенные лекарства, допускаться к употреблению! – Только дипломированные специалисты и титулованные ученые могут быть жизненными советчиками, консультировать и лечить! – Только профессионалы, только с лицензиями! – Да и то не все, а лишь те, кто блюдет по отношению к коллегам лояльность...

Началась негромкая, но непримиримая и упорная, продолжающаяся и по сей день, свара между снобами-академистами и профанаторами-популистами.

Академист популисту: «Что вы делаете с наукой? Как смеее ее вульгаризировать и перевирать, выкусывать клочья из ее развивающегося организма, и на манер журналистской шушеры толкать по дешевке на черном рынке невежества? Как хватает у вас совести выдавать за последнее слово истины чужие непереваренные идеи вперемешку с собственными измышлениями?..»

Популист академисту: «А вы что делаете с наукой, вернее, с наукообразием, выдаваемым за науку? Нацепив свои ученые мантии, обвешавшись титулами, заморачивающими невеждам мозги, оградив свои академические алтари абракадабренным словоблудием, занимаетесь фигней, далекой от жизни, как нос от задницы. Слова человеческого людям не скажете...»

Академист популисту: «Это у нас-то наукообразие? Не у вас ли? Не вы ли рассказываете народу тухлые сказочки про типы и комплексы, про секс и про то, как пикапить девушек?.. И что же в результате получается у народа?..»

Популист – академисту: «Посмотрите на себя, своих жен и детей, и увидите, что получается у народа, оснащенного вашими научными бреднями. А нам народ пишет благодарные письма...»

ОК – За кем же останется последнее слово?

ВЛ – Последнего слова, скорее всего, не будет. А рынок свое слово уже сказал. Академисты новейших поколений приходят к печальному, но трезвому пониманию, что профанация психологии, равно как и медицины, политики, педагогики, искусства и прочая, входит как весьма действенная часть в саму психологию и все вышеназванное. Профанация – это массовая реальность, и это поля, на которых могут расти и дикие сорняки, и полезные злаки. Вопрос в том, кто и зачем эти поля возделывает.

D-r Mozg: Recipe № 7.

Пропись Льва Толстого

Большинство жизненных задач решается как алгебраические уравнения: приведением их к самому простому виду.

Два Почему, маленькое и побольше

Побуждения, движущие женщинами, непостижимы. Самые обычные их действия могут значить невероятно много, а самое невероятное поведение зависит от какой-нибудь заколки или завивочных щипцов. Можно ли строить что-либо прочное на таком зыбком песке?

Джон Уотсон

– Как вы думаете – человек, так высказывающийся о женщинах, может быть счастлив в супружестве?

– **Вряд ли. Обобщенно-пессимистические ожидания, глобальное недоверие... От того, кто видит женщину только так, тоже трудно ожидать надежности. По-моему, это то, что в психологии именуется проекцией: собственные непризнаваемые черты приписываются тому, кто в них «виноват».**

– Чета Уотсон-Рейнер к концу двадцатых годов стала одной из самых популярных в нью-йоркском бомонде: знаменитый психолог, ученый гуру успешнейших бизнесменов и молодых семей всей страны, мощный красавец зрелого возраста, и его очаровательная, щебечущая, как птичка, молодая жена – великолепная пара! Они воспитывают двоих прелестных сынишек, воспитывают по-научному, по-бихевиористски, и у них все окей, они счастливы!

Рискованно выставлять счастье на публичное обозрение.

Биографы дружно утверждают, что любящий и счастливый Джон ни разу не изменил своей верной Розали, но один сообщает нечто противоположное. С 1922 года Уотсон читал лекции в школе социальных исследований. В 1926, на шестом году брака с Розали, сорока восьми лет отроду, его выгнали из этой школы за sexual misconduct – неподобающее сексуальное поведение. Подробности не известны. В подобных случаях речь обычно идет об этически недопустимых отношениях между людьми, вертикально связанными по работе, в данном случае – между преподавателем и студенткой. Вероятно, у Джона сработало клише соблазна: его тянуло на молоденьких и зависимых от него – студентка, аспирантка, опять студентка...

– **Пусти козла в огород. На те же грабли, уже в третий раз. Бедная Розали.**

– Этот скандал, в отличие от предыдущего, громогласного, с Розали в роли разрушительницы семьи, прошел тихо, без публичного резонанса. Семейная жизнь, по видимости, не пошатнулась. Но есть основания думать, что некий кризис Джон и Розали после этого пережили. Трудно себе представить, как человек, счастливый в супружестве, мог написать в 1928 году популярный футурологический трактат, озаглавленный «Почему еще через полвека мужчины перестанут жениться». От традиционных ценностей супружеского очага – любви, верности, душевного тепла и заботы, воспитания детей – в этом сочинении не оставлено камня на камне.

– **Прогнозы не оправдались: в восьмидесятые годы мужчины еще женились.**

– Да, но стоит заметить, что как раз в эти годы в США пошел небывалый бум на брачные контракты. Женятся и по сей день, хотя каждый второй американский брак распадается, и, думается, не без тайного содействия тому духа Джона Б. Уотсона.

Еще одно любопытное сочинение с вопросом «почему», уже позначительней, вышло чуть позже из-под того же пера. «Почему я не кончаю с собой» – интригующее заглавие.

Перед тем, как написать эту работу, Уотсон разослал сотне известных в то время выдающихся людей один и тот же единственный анкетный вопрос: «Почему вы все еще живете, почему продолжаете жить в этом мире?»

– ***В смысле – почему не отправляетесь в мир иной?***

– Вот именно. И не психологу ясно, что человек, задающий такой вопрос другим, озабочен им сам. Похоже, к тому времени Джона опять, как ранее в Чикаго, посетили суицидальные настроения и смысловой кризис жизни.

Ответы были получены ото всех ста опрошенных и составили основу большой научно-популярной статьи. Один из респондентов, крупный босс рекламного бизнеса, партнер Уотсона Роберт Йеркс, дал такой ответ: «Несмотря на душевные муки, невзгоды и разочарования, я принимаю жизнь как захватывающе интересную игру, в которой я соперничаю своим умом и дарованиями с целым миром и, наслаждаясь риском, могу чаще выигрывать, чем проигрывать». Этот ответ Уотсон оценил особенно положительно, как наиболее близкий к его собственным резонам не покидать этот мир.

Статью предложил для публикации «Космополитену», одному из популярнейших гламурных журналов; однако главный редактор отверг ее как «слишком пессимистичную и депрессивную». А через пару месяцев, словно делом пожелав подтвердить, что не надо было ее читать, этот главный редактор покончил с собой.

– ***«После» не значит «вследствие».***

– Разумеется. Реакция этого человека на статью Уотсона оказалась, скорее всего, просто лакмусовой бумажкой его тогдашнего состояния. Но кто знает, быть может, чтение не слишком оптимистичного текста стало и камушком, подтолкнувшим лавину...

Психограф никак не может обойти вниманием явно повышенную концентрацию самоубийств и ранних смертей вокруг своего героя.

Несовершенная бихевиористка

Вот Джон и Розали где-то на пляже.

Дату снимка установить не удалось; вероятней всего – начало тридцатых: заметно по возрастным признакам, что вместе уже не первый год. Розали в купальнике, с открытыми хрупкими плечами, стройная, женственная, но заметно, что первоцвет молодости пройден. В опущенной руке сигаретка. В те времена курить было престижно, и муж курил, но коптить легкие в купальном костюме?.. Думаю, не ошибусь, предположив, что на пляже тогда, как и ныне, чаще других дымили дамы, пребывающие во внутреннем конфликте и скрытой депрессии.

Большой Джон обнимает жену загорелыми ручищами, картинно прижимает к себе: ты моя, а я твой целиком, пусть это видят... Он достиг пика заматерелости и уже начинает не то чтобы брюзгнуть, но несколько тяжелеть; виски совсем поседели, седина пробилась и выше. По-прежнему элегантен, даже на отдыхе: в белоснежной рубашке с закатанными рукавами, в светлых брюках с проутюженной складкой. Оба весело улыбаются, больше похожи на любовников, чем на супругов. Пара красивая, ярко-контрастная, гармоничный аккорд. Но за объятием притаилась какая-то обреченность.

Уотсон этого времени прочно числится в изгоях научно-психологического сообщества; поднятое им знамя бихевиоризма победно несут другие, не упоминая первопроходца, и уже восходит звезда триумфатора Скиннера. Джон, однако ж, не бедствует: он главный психолог-рекламщик страны и житейский гуру номер один для широкой публики. Его популярные книги и статьи идут нарасхват, а «Психологическая забота о ребенке» уже стала родительской библией.

Работает в Нью-Йорке, в Манхэттене, а живет с Розали и двумя сыновьями в полутора часах езды – в Вестпорте, штат Коннектикут, в просторном поместье, купленном на гонорар от бестселлера. Здесь Джон ностальгически воспроизводит фермерский быт своего детства: строит своими руками огромный амбар, птичник, держит пару лошадей, кучу собак. Любит ездить по воде на собственном катере (автомобилей не возлюбил).

Мир, уют, свет и тепло в семье – от солнечного характера Розали. К ней тянутся и дети, и взрослые – умеет общаться и светски, и задушевно.

Полли, дочь Джона и Мэри, выбрала ее в доверенные подружки, с Розали ей теплее, чем с матерью. Вместе плавают в бассейне, играют в теннис. И все было бы здорово, если бы...

Джон и в первом своем браке не был подарком – а тут уж и вовсе, как нередко случается с не совсем еще отгулявшими бабниками при любящих женах, стал домашним диктатором. Не самодуром, не оголтелым тираном, нет – нудноватым деспотом от психологии в его понимании, диктатором от бихевиоризма.

Дотошный исследователь, теперь он бихевиористически изучает свое семейное пополнение: двух мальчишек, Билли и Джима, рожденных ему Розали. И не просто изучает, а старается сделать такими, какими считает необходимым: дисциплинированными и самостоятельными, противоречия между тем и другим не усматривая. С четырехмесячного возраста обращает пристальное внимание на чувствительность эрогенных зон мальчиков и эрекцию. С упорством, достойным лучшего применения, вырабатывает условные рефлексy на горшок, чтобы какали строго по расписанию.

Из письма Розали:

...Я думала, что мне удалось выработать какательный условный рефлекс, но оказалось, это ошибка... Я не понимаю, почему Билли садится на горшок и плачет или начинает играть своей пипкой, а какать не хочет. И почему через четверть часа после того, как ему разрешают с горшка слезть, он какает в штанишки, будто нарочно желает их испачкать...

У Билли, старшего из сыновей, были запоры, ему приходилось давать слабительное (что-то не то было в питании? – или, всего вероятней, причина психологическая), но его все-таки заставляли садиться на горшок каждое утро, строго в одно время, с энергичным внушением требуемого. Обычное ближайшее последствие такого насилия – детский негативизм: бессмысленное сопротивление самым необходимым действиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.